

Михаил КУРАЕВ

ОБАЯНИЕ НЕУЖИВЧИВОГО ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ОТКРЫТИЕ МЕНДЕЛЕЕВА

Заметки на полях сценария

Все открытия Менделеева Дмитрия Ивановича, последнего энциклопедиста в нашей науке, академика множества мировых академий, кроме Российской, известны, изучены и описаны.

Правда, его «Заветные мысли», духовное завещание, созданное в предощущении ухода и адресованное нам, потомкам, было издано в 1905 году, за полтора года до смерти автора, а вот второе издание последовало лишь через 90 лет!

Его речь о необходимости преобразовать Петербургскую академию, заготовленная на случай избрания, несостоявшегося избрания, пролежала в стенографической записи и была опубликована через 80 лет... Трудно сказать, радоваться или огорчаться, но многие идеи, выдвинутые в этой непроизнесенной речи, не утратили актуальности и сегодня.

Вот и завершающий научное творчество труд «К познанию России» тоже не нашел у потомков должного понимания.

Такие мы наследники!

И вот загадка, почему мысли о нас самих, о том, как обустроить нашу жизнь, самого известного в мире русского, российского ученого оказались невостребованными? А может быть, как раз за неактуальностью отправлены в архив?

Но вот открываю и читаю сказанное на заре XX века:

«Желательно, чтобы Россия прочнейшим образом заключила теснейший политический, таможенный и всякий иной союз с Китаем. Китай явно просыпается, в нем 430 миллионов народа, он имеет все задатки очень быстро, наподобие России, стать могущественнейшей мировой державой. Наш союз составит влиятельнейший противовес недавно возобновленному союзу Англии и Японии. Свое Смутное время, которое может настать в Китае, как было в России, заключить этот союз не помешает. Никакой иной союз не может быть современно более важен. В союзе с Францией и Китаем Россия может спокойно ждать предстоящих событий XX века».

Если припомнить, что из себя представлял Китай накануне Русско-японской войны, некое бесформенное тело, подвергнутое растерзанию новейших колонизаторов из

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Европы, Америки и Азии, можно лишь еще раз удивиться прозорливостью мудрого, чувствующего поступь истории ученого, способного видеть далеко вперед, даже сквозь вроде бы и непроницаемые и непредсказуемые завихрения предсказанного Менделеевым «Смутного времени».

Как же так? Почему этого не слышат те, кому своего разума происходящих событий, как выяснилось, явно не доставало?

Нам памятна со школьных уроков гневная реплика Менделеева: «Топить можно и ассигнациями!» Ему ли было не знать, что сжигать сырую нефть, несущую в преобразованном, переработанном виде богатство возможностей, — дикость, варварство! Он в голос кричал об этом... А торговать сырой нефтью через полтора столетия после сказанных Менделеевым слов — не дикость? не варварство? Может быть, что-то еще хуже...

Менделеев писал о поступательном развитии капитализма в России и о том, какие опасности при этом нас ожидают. Игра на бирже, жульничество и мошенничество, спекуляции, знаменитые «грабилочки-пирамиды», не про наши ли годы?

Ученый, умевший видеть далеко вперед, предупреждал об опасности сращивания капитала и власти. Вот и у нас еще на памяти откровенно наглая власть «семибанкирщины» под крышей «всенародно избранного...» на неведомо чьи деньги, в том числе и в «коробке из-под ксерокса».

Сегодня о союзе власти и капитала мы узнаем из бесконечной череды разоблачений безмерно богатеющих представителей весьма высокого уровня власти и властных структур. Подобно тому как в своей периодической системе Менделеев предсказал существование некоторых еще неизвестных элементов, даже указал их свойства, так же и в общественной жизни, в экономике он предсказал все те беды, которые на нас свалятся, когда в России разовьется выпущенный на волю алчный капитализм. При этом Менделеев был последовательным сторонником протекционизма, деятельно поддерживая промышленное развитие страны.

Его способность видеть суть проблемы и предложить ее решение вызывают удивление, какой испокон веку удивляла мужицкая смекалка. Разве что уровень проблем естественно повыше.

Просят в Баку разобраться с убыточностью нефтеперерабатывающих заводов. Едет, смотрит, анализирует и вместо ожидаемых от него изменений в технологии, с которой, кстати, ознакомился в Соединенных Штатах, предлагает изменить налоговое законодательство. И представьте себе, производство из убыточного быстро стало прирастать прибылью.

Кстати, трудов по экономике у Менделеева больше, чем по химии. Может быть, химия просто более компактная наука?

По его заданиям и проектам создавались тончайшие приборы для исследований, вот и сам он был сейсмографом, с поразительной чуткостью отзывавшимся на утренние толчки вызревающего нового времени.

Но об открытиях и откровениях Дмитрия Ивановича Менделеева говорят сто лет и будут говорить еще, здесь слово в первую очередь его коллегам и историкам науки.

Быть может, пора попытаться открыть и самого Менделеева.

Я открыл его для себя почти неожиданно, а может быть, и не совсем неожиданно?

Почему-то вот уже двадцать лет я живу на Подольской улице, хожу мимо дома № 2, украшенного двумя мемориальными досками. На одной мы отдаем дань благодарной памяти Ларисе Анатольевне Попугаевой, замечательному геологу, из плеяды первооткрывателей месторождения алмазов в СССР. Вторая мемориальная доска напоминает, что именно в этом доме родился великий композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. А родился он в этом доме потому, что здесь жил и работал, служил, как тог-

да говорили, его отец Дмитрий Болеславович Шостакович, первый директор Палаты мер и весов. О том, что в этом же доме была размещена учрежденная Дмитрием Ивановичем Менделеевым первая в России метрологическая лаборатория, поименованная Палатой мер и весов, памятного знака нет. А еще рядом — Технологический институт, где преподавал и год даже жил Менделеев... А на другой стороне Московского проспекта — памятник Менделееву перед входом в Институт метрологии — ВНИИМ им. Д. И. Менделеева. А по левую руку от памятника на огромном брандмауэре таблица Менделеева...

Лишенному благодати веры невозможно признаться, что кто-то меня привел именно сюда и поселил...

Знакомство с Менделеевым стало неизбежным, нужен был только случай, и он придет, но об этом чуть позже.

Столь значимые личности, как Дмитрий Иванович Менделеев, актуальны всегда, как всегда актуальны Леонардо, Ньютон, Ломоносов, Пушкин, их труд и сама жизнь — наследие на все времена. Просто в каждый исторический момент в этом наследии можно, да и нужно, найти то, что поможет ориентироваться как раз в дне сегодняшнем для того, чтобы не двигаться в потемках и не угодить неведомо куда. Не то чтобы совсем «неведомо куда», а туда, куда настойчиво и упорно ведут, скажем так, невежды, преуспевающие в карьерном забеге, политические хитрецы, прикрывающие свою корысть лозунгами бескорыстия и заботы о благе, разумеется, всего человечества, но почему-то не своих соотечественников.

В каком контексте видится мне сегодня обращение к Менделееву?

Прежде всего — в политическом. Но в каком смысле? Сам он был сторонником эволюционного развития общества и потратил немало сил для того, чтобы практическое развитие страны, ее промышленность, интенсивное сельское хозяйство, рациональное использование недр сделали народ, именно народ, а не только предприимчивых деньгохватов, состоятельным и образованным.

Вот его слова: «Как можно тратить огромную часть своих сил на заведомо безысходные политические поединки? Да, я вижу людей политически раздраженных, склонных к драматическим эффектам... демонстрации, протестации, банкетные речи, знамена... В их программах очень много риторики, и очень немного политической мысли. Мне кажется, что там много неудавшихся актеров, несчастных литераторов, студентов, не окончивших курс, но окончивших ученье... Лучше уж я буду солистом в науке, чем статистом на улице...»

Он не хотел верить в утопии, верить в теории, не поддающиеся проверке опытом, и в преддверии революции говорил: «Хорошего не жду, так как такие постоянные скачки в неизвестное для такой большой страны, как Россия, положительно невозможны».

Но и безучастным ко всему происходящему в стране, в том числе и в политической сфере, он оставаться не мог.

Еще в 1890 году во время студенческих волнений Менделеев перед лекцией в университете предложил студентам изложить свои требования, с тем, чтобы он лично передал петицию министру просвещения И. Д. Делянову.

Сказано — сделано.

Когда министр вернул Менделееву петицию с формальной резолюцией о невозможности принять ее к рассмотрению, профессор Менделеев подал прошение об отставке, университет покинул и оставил университетскую квартиру, где рядом с лабораторией и студенческими аудиториями прожил и проработал 33 года.

«Статисты на улице» так не поступают. Это тоже своего рода политическая демонстрация, но по статусу демонстранта все-таки «сольная».

Современникам было трудно понять этот поступок пятидесятишестилетнего профессора, проще было объяснить «резкостью и неуживчивостью характера». Но это мнение «мягких» и «уживчивых», чья правота, как правило, подкреплена житейским благополучием.

Уход из университета, которому было отдано полжизни, поступок совершенно последовательный для гражданина, чувствующего личную ответственность за несовершенство государственного механизма.

Зная, как любили его студенты, как на его лекциях ломались аудитории, предвзяв свою последнюю лекцию, он попросил в конце воздержаться от аплодисментов и иных выражений чувств... Люди с *дурным характером*, как правило, дорожат публичными знаками признания.

Сегодня Менделеев, как мыслитель, думающий о России, и как практик, обогативший и укрепивший Россию, по моему убеждению, актуален, как никогда.

Именно сегодня, когда взяла реванш буржуазная контрреволюция и указала «единственно правильный» путь поступательного движения России.

Он актуален именно сегодня, когда на полинявших транспарантах с демократическими лозунгами ясно проступили скрытые до поры до времени лозунги лавочников, стяжателей, барышников: «Обогащайтесь! Обогащайтесь любой ценой! Любой ценой создадим класс собственников!..» И, представьте себе, создали-таки целый класс обладателей... чужой собственности, то, что именовалась и была общенародной.

И хотя в конституции еще не записано: «Человек человеку — волк», но смена социальных ориентиров и «общественная практика» 90-х годов, как принцип не изжитая (с чего бы!) и поныне, иллюстрирует этот девиз, прозвучавший в комедии Плавта «Ослы» еще в III веке до нашей эры.

Не случайно именно этот горестный приговор вспомнил Томас Гоббс, наблюдая, как в родной ему Англии вызревает новая общественная формация, еще не поименованная капитализмом, но обозначившая принцип человеческих отношений: выживает сильнейший! Вот и при жизни обанкротившийся, а после смерти возведенный в национальные герои Столыпин делал ставку на сильных. А в пору второго пришествия капитализма в Россию мы своими глазами видели, как выживали «сильные» в лихие 90-е годы.

Менделееву, подлинному радетелю народного блага, ученому-гуманисту, во всех отношениях был ближе антипод Столыпина — Витте, не принимавший «штык-юнкерский» стиль преобразований, проводимых его оппонентом. Менделеев и Витте плодотворно сотрудничали еще с царствования Александра Третьего.

Вопрос о выборе пути, вставший в России в 80—90-е годы минувшего века, не утратил своей актуальности. Много думал и писал об этом Менделеев, только не помню, чтобы нынешние реформаторы, охотно поминающие укротителя революции Столыпина и твердящие как заклинание про «исчерпанность лимита революций в России», пользовались трудами Менделеева, предопределявшими для нашей страны и народа свой путь преобразования аграрной по преимуществу страны в индустриальную в условиях новейшего времени.

Естественно, библиография трудов о самом Менделееве весьма обширна, только в серии ЖЗЛ вышло три книги о великом ученом, и тем не менее не оставляет ощущение того, что имя и дело Менделеева как гражданина и патриота задвинуто в какой-то исторический чулан, музейный «запасник».

Может быть, невольная дань предрассудкам своего времени, встречающаяся при чтении трудов Менделеева на общественные темы, на тему государственного строительства, отталкивают от него?.. Трудно сказать. Но то, что Ньютон считал Луну обитаемой, разве бросает тень на открытые им законы? И снова задаю себе вопрос: как объяснить

тот факт, что «Заветные мысли», обращенные к современникам и потомкам, пребывали в забвении... 90 лет! Едва ли случайно. И причина здесь не чей-то злой умысел, причины явно глубже.

Радиус земли был измерен, и ее шарообразность была доказана Эратосфеном в III веке до нашей эры, и что? А ничего. Эти знания не понадобятся людям, живущим на «плоской Земле, стоящей на черепахе», еще тысячу лет.

Неужели мы испытываем избыток мыслителей такого масштаба и глубины, как Менделеев?

Впрочем, при попытке обновить наш гражданский иконостас в 2008 году был объявлен широкомасштабный опрос для выбора «Имя России». Гражданам предложили найти и назвать в нашей истории человека, чье имя с наибольшей полнотой может быть для России знаковым.

После сокрушительных и разорительных во множестве смыслов «лихих 90-х» реальное большинство вспомнило, как и можно было ожидать, Сталина.

Но и Менделеев вошел, как говорится, в «краткий список», в первую десятку.

А лидером в конечном счете был признан Александр Невский, о жизни которого сведения огорчительно скудны.

Факт замечательный!

Не очень доверяя «подсчету голосов», можно смело предположить, что *считавшими* было отдано предпочтение человеку-легенде, поскольку даже среди профессиональных и серьезных историков то немного, что известно об Александре Невском, вызывает крайне противоречивые оценки.

Откуда же такой высокий рейтинг имени Александра Невского?

Во-первых, он канонизирован Православной церковью, а гражданской его канонизации в качестве непреклонного защитника и бескорыстного поборника всяческих благ для Руси, разумеется, послужил фильм лидера мирового кино Сергея Эйзенштейна и воплощение в этом фильме образа Александра Невского таким выдающимся мастером, как Николай Черкасов.

И это не единственный прецедент.

Чапаев. Едва ли герой ординарного романа Фурманова, не самый успешный из множества красных комдивов Гражданской войны, мог бы занять место национального и даже фольклорного героя. Проза о Гражданской войне располагает превосходными сочинениями Пантелеймона Романова. Артема Веселого, Александра Серафимовича. Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Всеволода Иванова... И этот ряд может быть продолжен, но если по рангу, то писатель Фурманов в нем появится не скоро. А вот герой его романа, послужившего основой одноименного фильма, не только популярностью, но, пожалуй, всеобщей симпатией обязан фильму Григория и Сергея Васильевых.

Какое отношение имеют «рейтинги-конкурсы» к рассказу о Менделееве? Самое прямое. Еще одна статья, еще одна публикация, еще одна книга, монография едва ли смогут занять достойное Менделеева место в историческом сознании общества.

Как родилась идея фильма? Едва ли случайно. Только киноаудитория, по-прежнему собирающая миллионы, способна сфокусировать общественное внимание не на должности, не на звании, не на авторитете, а на личности. «Чапаев» не биографический фильм. И даже не фильм-портрет, но просто крепко, талантливо сделанная история человека, в котором зритель узнает родные черты национального характера, и смелость, и наивность, и мужицкую хитрость, и простодушие, отвагу, личную храбрость, и наше родное, извините, раздолбайство... Потому он и сопутствует нам в анекдотах, это уже не о нем и не о ком-то другом, это о нас...

Вот и фильм о Менделееве по замыслу должен быть фильмом о нас, таких, какими мы хотели бы быть.

Ни лекции, ни юбилейные программы, ни научно-популярные реконструкции и повествования о жизни исторической личности не дают возможность ощутить национального героя как человека близкого, родного, необходимого, своего. И самый близкий пример — Юрий Алексеевич Гагарин... Мы видели его воочию, своим обаянием, непоказной самоотверженностью, скромным мужеством первопроходца он покорял людей.

А национальным героем под номером один все-таки был назван Александр Невский, которого мы тоже видели, но не воочию, а лишь в режиссерском замысле и в исполнении великолепного актера.

И Гагарин, и Александр Невский, в сущности, люди-символы. Просто символ вождя, под чьей рукой Отечество может жить и чувствовать себя неодолимым, более емкий.

Только художественный текст, только театр, только художественный кинематограф могут представить героя страдающим, любящим, растерянным, счастливым и хотя бы в этом похожим на нас...

Одно дело — написать в трех строчках: министр к рассмотрению переданную Менделеевым студенческую петицию не принял, и профессор покинул университет. Какую бурю чувств испытал Менделеев, прежде чем хлопнуть университетской дверью!? А его разрыв с Витте, разрыв с адмиралом Макаровым, семейная драма?.. Про таких говорят: характер — не подарок!

Как угадать и передать чувства, переживания, боль? Они должны предстать перед зрителем воочию, как может быть только в кино...

А главной силой, движущей работу над сценарием, было ощущение и понимание масштаба личности и уникальности характера Дмитрия Ивановича Менделеева.

«Пушкин есть явление чрезвычайное, — пишет Гоголь в 1832 году, — и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...»

Нам незачем было ждать двести лет?..

2 февраля 1834 года в Тобольске в семье директора Тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева семнадцатым и последним ребенком родился мальчик, назвали его в честь деда Дмитрием. В том же году отец ослеп, лишился места, заботы о большой семье легли на плечи матери, Марии Дмитриевны, женщины, по общему признанию, выдающегося ума и энергии.

Именно в младшем сыне она сразу же угадала необыкновенные способности. Именно угадала, поскольку в гимназии Дмитрий учился кое-как, уделяя внимание лишь математике и физике. От перспектив остаться на второй год спасала старшая сестра, вышедшая замуж за преподавателя гимназии.

А по окончании гимназии именно Мария Дмитриевна вывезет младшего сына из Тобольска в Москву, а затем и в Санкт-Петербург, чтобы дать ему достойное образование.

В университет не примут «на законном основании»: по закону, сочиненному мудрецами от просвещения, провинциал должен был учиться в университете поближе к месту жительства. Для жителя Тобольска этим «ближайшим местом» была Казань.

К счастью и благодаря матери, почти по знакомству, тобольского гимназиста примут в Главный педагогический институт при Петербургском университете. В мае 1850 года Мария Дмитриевна буквально *устроила* сына в Главный институт, а в сентябре здесь же, в Санкт-Петербурге, скончалась.

В благодарность сын посвятил памяти матери свое сочинение «Исследование водных растворов по удельному весу». И велел похоронить себя рядом с могилой матери на Волковом кладбище.

Чиновничья мудрость, она же — дурь, по части приема провинциалов на Главный пединститут не распространялась. И здесь Дмитрию повезло: преподаватели в инсти-

туте были те же, что и в университете, и помещения общие, и лаборатории были общими, и даже лазарет.

С молодых лет семнадцатый ребенок обладал слабым здоровьем, дамочковым мечем над семьей висел наследственный туберкулез. От чахотки умер отец. От чахотки умерли три сестры...

1853 год. Лазарет Главного педагогического института

Палата на десять коек. Полумрак газового освещения. Кто-то играл в карты. Кто-то писал.

Между соседними кроватями девятнадцатилетних студентов Менделеева и Бетлинга больничный табурет, на нем шахматная доска.

Тихо переговариваются, передвигая фигуры.

Менделеев, не отличавшийся красноречием, начинал разговор, словно отрываясь от мыслей «про себя»:

— Так ведь... Если... Конечно преувеличивают... — и посмотрел на соседа так, словно сказанного было достаточно, чтобы быть понятым. Тот знал эту манеру говорить. Ждал. — Преувеличивают... экзамены — вздор! Латынь не люблю, да и знаю едва-едва... Четверка! А математика и физика?.. Единственное, с чем из Тобольска приехал. Математика! Три! А физика! Три с плюсом. Значит, что я... Вам, Бетлинг, шах...

Бетлинг закашлялся чахоточным кашлем, дважды сплюнул в бумажный «фунтик»:

— Шах — не больно-то испугались... — Бетлинг двинул короля в укрытие. — Почему вы так разбрасываетесь, Менделеев? Современная наука требует... — Снова закашлялся, но для продолжения разговора показал растопыренными пальцами обеих ладоней, как соединяют полусферы. Откашлялся. Перевел дыхание. — Я читал ваш «Опыт исследования грызунов в Санкт-Петербургской губернии». Зачем тратить время? Иное дело изоморфизм или химический анализ ортита... Сразу в «Горный журнал»! Что было предметом ваших занятий до лазарета?

— Так что... Это... Занятия... Кремнефтористоводородная кислота отчасти... А всерьез — растворы цианида серебра для гальванопластики...

У входа в палату послышались приглушенные голоса, шаги.

— Директор! — узнал издали Менделеев.

Шахматная доска тут же была отправлена под кровать, так же как в палате исчезли карты.

Менделеев и Бетлинг изобраили спящих.

Его высокопревосходительство директор Главного педагогического института действительный статский советник господин Давыдов в накинутом на вицмундир халате и доктор Кнебель неторопливо шли от кровати к кровати, смотрели подвешенные к спинкам *скорбные листки*, укрепленные на фанерках. Подошли к Менделееву и Бетлингу.

Директор хотел разбудить «спящих», но Кнебель жестом и выразительным взглядом его остановил.

— *Quid de illis putas?* (Что ты думаешь об этих двоих?)

— *Nobis poenitendum est illorum. Puto, illos ambos non subrigere.* (Нам следует сожалеть о них. Думаю, оба они не поднимутся.)

И двинулись дальше.

Менделеев и Бетлинг открыли глаза.

Бетлинг, не поворачивая головы в сторону соседа:

– Вы слышали, что сказал доктор Кнебель?

– Чтобы понять, «эти не встанут», моей латыни достаточно...

Директор и Кнебель продолжали свой обход палаты.

– Менделеев безнадежен, – негромко пояснил Кнебель.

– Было время, я даже пожалел, – со вздохом сказал директор, – что из сочувствия к его матери принял Менделеева... Первое время, год-полтора, учился неважно. А сейчас было бы жаль его потерять... Наш климат – это приговор для чахоточных...

Удивления достоин Дмитрий Иванович Менделеев с юности. Случайно услышав из лекарских уст приговор, он заставил себя подняться и... отправиться сдавать экзамены. А в последние годы обучения Менделеев стал настолько известной фигурой в университете, что на защиту дипломной диссертации собрался народ и с других факультетов. И за столом экзаменаторов блистали представители университетской профессуры различных факультетов, так называемые *делегаты*.

1855 год. Санкт-Петербургский университет. Большая химическая аудитория заполнена до отказа

– Пожалуйста, господа, еще вопросы к господину Менделееву, – обвел аудиторию взглядом секретарь факультета Пенковский.

– Позвольте, – вяло приподнял руку профессор Усов.

– Делегат от юридического факультета профессор Усов, – для публики пояснил секретарь. – Прошу вас, Сергей Михайлович.

В публике всплеск легкого недоумения. Юрист и химия?

– Чуть подробнее о процессе отделения лития от калия и натрия, – с важностью и адвокатской вальяжностью произнес Усов.

– Я понимаю, вас как юриста интересуют взаимоотношения сторон в процессе... Позвольте заверить вас, профессор, обе стороны, и калий, и натрий, совершенно законопослушны.

Замершая было аудитория встретила ответ смехом и аплодисментами.

Профессор Усов лишь снисходительно усмехнулся.

Пенковский поднялся, призывая аудиторию к тишине:

– Еще вопросы к экзаменуемому...

– У меня складывается впечатление, господин Менделеев, – последовал вопрос, – что диссертация готовилась по преимуществу в библиотеке, а не в лаборатории.

– К сожалению, степени сходства форм и составов в библиотеке не увидишь. А если в лаборатории нет газа, тяги не работают, если на все кафедры химии полагается один лаборант, если в год химическая лаборатория получает всего четыреста рублей, если вместо газа жжем этиловый спирт, да и в том недостаток – сторожа пьют!..

– Значит, открывается широкое поле, – не дал договорить экзаменатор, – для изощрения изобретательности и для развития настойчивости в преодолении препятствий. Для химика это нелишне...

Находчивость профессора, обратившего болезную тему в шутку, была встречена улыбками и легким смехом.

– Позвольте, коллега, задать вопрос, напрямую не относящийся к теме изомерфизма. Какие сложности испытали вы за пять лет изучения химии?

- Отсутствие положительного учебника, господин профессор.
- Чем же вас не удовлетворил, к примеру, Штреккер?
- Самый важный недостаток этого учебника — резкость положений и законов, не свойственная естественным наукам.

Ответ вызвал легкий шум в аудитории и вопросительные взгляды экзаменаторов, ожидающих разъяснения.

Диссертант пояснил:

– Только в науках чисто отвлеченных — логике и математике — возможны и существуют неизменные законы, формулы полной точности. Но столь резко очерченные законы зачастую не согласуются с подвижными и гибкими законами природы. Логика, абстракции — расчленяют мир, а он един.

Экзаменатор в рясе удовлетворенно кивнул головой.

– Много сил и слов потрачено в поисках ответа, почему он един. Не знаю и едва ли узнаю. — Экзаменатор в рясе укоризненно покачал головой. — А вот разгадать, постичь связи, обеспечивающие единство мира, важнейшая и реальная задача химии.

– Штреккер — это органическая химия. Но есть еще и Нернст, есть Оствальд...

– Увлечение и одного и другого чрезмерной схематизацией, завершено-стью схемы создает впечатление, будто бы в науке все существенные вопросы разрешены или близки к разрешению. Учебник вводит в науку, а не сообщает о ее исчерпанности, дескать, осталось доделать второстепенные детали.

– Не написать ли вам, господин Менделеев, учебник химии? — не без иронии спросил экзаменатор.

– Пожалуй. Как только буду к этому готов.

– Менделеев, вы не пощадили Штреккера?

– Как раз пощадил, надо было сказать, что в этом прекрасном, но аптекарском уме все крупное его пугает и разбивается на игрушечные мелочи.

– Если больше вопросов к диссертанту нет, слово официальному оппоненту профессору Воскресенскому. Пожалуйста, Александр Абрамович...

...А медицинскую амнистию и напутствие на долгую жизнь Дмитрий Иванович получит от самого Николая Ивановича Пирогова, и не где-нибудь, а в Симферополе в разгар Крымской войны.

После завершения учебы в Главном педагогическом институте с золотой медалью Менделеев был направлен в Крым преподавателем в гимназию. Шла война, и в симферопольской гимназии был лазарет. Там и был освидетельствован молодой учитель Николаем Ивановичем Пироговым, заведовавшим медицинской частью на театре военных действий.

«Вы и меня переживете, да и всех врачей, наговоривших вам бог знает что!» — заключил Пирогов, и слова его оказались пророческими.

Из Симферополя Менделеева осенью 1855 года переводят в Одессу в гимназию при Ришельевском лицее, где хорошо оснащенный химический класс позволяет ему вести и преподавательскую, и научную работу.

Что не подробность биографии Менделеева, то свидетельство о натуре в высшей степени самобытной и глубокой, не вписывающейся в привычные рамки.

Прослужив чуть больше полугода в Одессе, уже в мае 1856 года вчерашний студент возвращается в Петербург для защиты магистерской диссертации. Защите, как полагалось, предшествовала сдача экзаменов, что-то вроде «кандидатского минимума».

Май 1856-го. Кабинет ректора Санкт-Петербургского университета

Менделеев ждал, пока Плетнев прочитает поданный ему рапорт.

— Когда, Дмитрий Иванович, изволили прибыть из Одессы?

— Вчера, Петр Александрович.

— И как Одесса?

— Дыхание войны в Крыму чувствуется во всем. А лаборатория в Ришельевской гимназии вполне порядочная...

— Ваша просьба будет уважена, — Плетнев указал на лежащий на столе рапорт. — Сегодня у нас 15 мая, когда бы вы желали пройти испытания?

— Завтра, ваше превосходительство.

— Вот так, не отряхнув дорожной пыли? Простите, но подготовиться...

— В институте я перед экзаменами в карты играл, — и пояснил, увидев недоуменный взгляд ректора: — К экзаменам надо весь семестр готовиться, а не ночь накануне.

— Ну что ж, партию в штос я вам не составлю, — улыбнулся Плетнев, а испытание попробую ускорить. — Плетнев развернул журнал, полистал: — Восемнадцатого испытание по химии? — вопросительно взглянул на Менделеева.

— Да, конечно.

— Двадцать пятого? Из физики? — Плетнев поднял глаза на соискателя, тот в согласии кивнул. — И 30 мая... Из минералогии и геогнозии... Идем навстречу кавалеру золотой медали Главного педагогического института.

— Благодарю... Позвольте откланяться...

9 сентября 1856 года двадцатидвухлетний ученый защитил магистерскую диссертацию на тему «Удельные объемы» и уже в январе 1857 года был утвержден в звании приват-доцента и начал преподавание в Петербургском университете. А через два года — поездка за границу для изучения состояния химической науки в Европе. Русская колония в Гейдельберге жила всей полнотой вольной жизни.

В Гейдельберге

В комнате, где собрались русские колонисты, было дымно.

Бородин одной рукой наигрывал «Пастушек Ватто» Оффенбаха. Рядом стояли восхищенные курсистки.

— Оффенбах — это прелесть, прелесть!.. Бородин, вы можете «Госпожу-бабочку»? Только не одной рукой, пожалуйста, всерьез...

— «Госпожу-бабочку» всерьез? — переспросил Бородин. — Извольте.

Поднял глаза вверх, припоминая модную мелодию, попробовал «левую руку» и заиграл, к полному удовольствию поклонниц Оффенбаха.

Менделеев был занят своей спутницей, для которой приходилось переводить на немецкий. Они сидели чуть в стороне.

— Неужели немецкой актрисе могут быть интересны споры русских молодых людей, о которых они сами забудут через два дня?

— А если мне придется играть на сцене русскую молодую девушку?

— Что вы тут прядетесь? — проходя мимо, бросил Бекетов.

— Я хочу поставить на обсуждение вопрос, который у нас так и не был решен, — объявила изящная молодая женщина с прической *чинос*. — Слышите?

— Слушаем Ольховскую, — раздалось несколько голосов. — Внимание, господа, слушаем Ольховскую.

Бородин оборвал игру и повернулся на стуле.

– Мы помним, что бытует мнение о том, как должно выбирать жену. Все сходятся на том, что жену выбирают для того, чтобы иметь возможность работать вместе с нею на общественную пользу. Я же нахожу, что вступать в брак следует не с утилитарными целями, а только по взаимной и страстной любви!.. – в ожидании резких возражений объявила Ольховская.

– Ерунда! Абсурд! Как можно! – раздалось со всех сторон.

– Все ваши страсти и любви – только рутина, старый хлам, который пора выбросить за борт!

– Что она сказала? – спросила Менделеева актриса, предполагающая играть русских барышень.

– Она сказала, что в брак надо вступать только по взаимной страстной любви, – пояснил Менделеев.

Актриса задумалась. Взглянула на Менделеева, пытаясь угадать его ответ на этот очень непростой вопрос, ответа не увидела и погрузилась в размышления.

– Как можно класть на весы общественную пользу и животный эгоизм? – взорвался молодой человек.

– И мы называемся – «молодая Россия», если мы «носители прогрессивных начал и идеалов», да вам руки в порядочном доме не дадут, – обрушились на бедную Ольховскую.

– К черту «порядочный дом», если в нем нет места любви! – убежденно объявила Ольховская. – Считаю своей обязанностью объявить, что в браке я буду руководствоваться не общественными соображениями, а исключительно моими личными чувствами.

– При ваших ветхозаветных взглядах на любовь не вам поднимать знамя прогресса, не вам стоять в рядах женщин, борющихся за эмансипацию! Вы еще обожжете крылышки об эту страстную любовь, еще вспомните меня!

– Ставить страсть во главу угла? Да это же африканские воззрения!

Менделеев быстро переводил.

Его приятельница на секунду задумалась, придвинулась к Менделееву и четко выговорила рядом с его ухом:

– Хочу в Африку...

Менделеев и Магда сбежали от диспута в тишину Гейдельбергского замка, где вечерами было немногочленно, а обширная территория предоставляла множество укромностей.

– Ваш друг Бородин знает всего Оффенбаха! Он любит оперетту? Чему он учится в Гейдельберге?

– Оперетту и модную музыку любят наши молодые дамы, а Бородин любит химию.

– Но он играл буквально все, что его ни просили.

– С его музыкальным даром это, надо думать, совсем нетрудно.

В тени башни Менделеев остановился, привлек к себе спутницу и крепко поцеловал.

Резиденция курфюрстов возвышалась над долиной Неккера.

Башня, расколотая взрывом войсками Людовика Четырнадцатого, так и стояла памятником злосчастной войны.

– Помните сказку Перро о спящей красавице?

– Да, еще с детства...

– Россия просыпается, как та царевна, что была погружена в сон злой колдуньей и спала сотню лет... Разве не унижительно слышать от того же Гердера: славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории. И вот Россия протерла глаза и увидела, как несправедливо, как бедно, как неразум-

но устроена наша жизнь. Россия хочет новой жизни, другой. Что теперь будет? Жизнь закипела, все принялись что-то делать, не то строить, не то разрушать. Но пока в основном на словах.

— «На словах» — это не страшно, — рассмеялась Магда. — Пробуждение «на словах», я не понимаю.

Увлечение молодых людей оказалось недолгим, но родилась девочка. Живя в России, Менделеев знал об этом, помнил и поддерживал дочь до совершеннолетия. Можно было бы и опустить эту подробность в биографии великого ученого, она никак не отразилась на трудах, обессмертивших его имя, но был он земным человеком, и, как говорится, ничто человеческое...

Впрочем, вокруг людей, приковывающих к себе внимание самой разнообразной публики, как правило, плодятся легенды.

И Менделеев здесь не исключение.

Известно, что Менделеев не пил водку, предпочитал вино. Однако именно его имя связывают с нашей сорокаградусной.

Основанием же для рождения легенды послужило название докторской диссертации Менделеева «Рассуждение о соединении спирта с водой».

Для всезнаек одного названия достаточно, чтобы, не открывая и первой страницы диссертации, знать: Менделеев «изобрел» водку. Но соединение спирта с водой и разбавление спирта водой для исследователя процессы весьма различные. То, что в диссертации были обобщены исследования по прецизионному измерению плотности и теплового расширения разных пропорций смеси этилового спирта и воды, всезнаек не интересует. Да и сама «сорокаградусная» была известна на Руси аж с XVIII века. То, что диссертация не имеет никакого отношения к алкоголю, разве имеет какое-то значение! Имя можно приспособить к рекламе, а где реклама — там барыш. Водка с изображением Менделеева на этикетке продавалась и в России, и в Соединенных Штатах.

Как-то мне в пору работы в Комиссии по помилованию попал в руки созданный в тюрьме труд-инструкция по картежному шулерству. Во вступительной части, как и полагается «по науке», был небольшой раздел «к истории вопроса». Наставник мошенников с апломбом сообщает о том, что карты были созданы Декартом. Едва ли «маэстро Кухтинский», как себя поименовал автор, имел малейшее представление о выдающемся французском философе, математике, физике и физиологе XVII века. Имя, видите ли, ему показалось подходящим, так же и мастера сивушного дела решили освятить свою продукцию именем великого ученого.

Во все времена, надо думать, невежество и алчность не были стеснены никакими границами.

«Есть углубленные области сознания, к которым следует относиться внимательно и осторожно», — предупреждал, почти просил Менделеев, хотя иногда его голос сходился на крик, и тогда привычные низкие ноты сменяли резкие верхние...

Грянул 1869 год. На заседании Русского химического общества прозвучал доклад об открытии Менделеевым периодического закона.

Что поднялось! В научном мире, как тому и положено: рассуждения, сомнения, требование полноты доказательств, все правильно. Но обывательская стихия, готовая до уровня своей пошлости низвести все что угодно, туда же — в науку!

Кабинет Менделеева в Главной палате мер и весов

Менделеев диктовал письмо своей помощнице Ольге Озоровской:

— ...Остаюсь вашего превосходительства преданным слугой. Нет, не так. С глубоким почтением — профессор Менделеев.

— К вам, Дмитрий Иванович, проситель, — доложил вошедший в кабинет секретарь.

— Что ему надо? Мы работаем! — сердито буркнул Менделеев.

На пороге тут же, без приглашения, появился репортер.

— Кто такой? Карточку, — потребовал Менделеев.

— Сотрудник газеты «Петербургский листок», ваше превосходительство.

— Дмитрий Иванович! — поправил Менделеев репортера. Посмотрел пропнутую карточку. — Не знаю, кто такой-с! Ну-с, что угодно! Я занят!

— Я, ваше превос...

— Дмитрий Иванович! — напомнил Менделеев.

— Я пришел, ваше... А-а, да, Дмитрий Иванович... Я оторву у вас лишь несколько минут...

— Уже оторвали. Мы заняты: видите, письма пишем! Ну-с! Что угодно?

— Позвольте вас спросить, какого вы мнения о радиистах?

— О, господи! — Менделеев так посмотрел на посетителя, будто тот вошел к нему, держа голову под мышкой. Откинулся в кресле и вздохнул. — Да как же я с вами разговаривать-то буду? Ведь вы, я чай, ни черта не понимаете? Ну как я с вами о радиистах говорить буду? Вот вам моя статья: коли поймете, так и слава богу... Все? Что еще? Только скорей!..

— Как вам пришла в голову, Дмитрий Иванович, — заглянул в блокнот, — ваша периодическая система?

— И про это слышал? — сначала Менделеев рассмеялся, а потом тряхнул головой и выпалил: — Да ведь не так, как у вас, батенька! Не пятак за строчку! Не так, как вы! Я над ней двадцать лет голову ломал. А вы думаете, как у вас: сел — и пятак за строчку, пятак за строчку — и готово!

— А все говорят, что... — опять заглянул в блокнот, чтобы не ошибиться, — периодическая система вам приснилась?..

Менделеев вздохнул и помотал головой:

— Три месяца поспишь урывками, так тебе что угодно приснится...

— Три месяца? — переспросил репортер и занес в блокнот. — Дмитрий Иванович, круг ваших интересов чрезвычайно обширен и разнообразен. Нефть. Порох. Земледелие. Воздухоплавание. Преподавание. Начальствование в Главной палате мер и весов... Как можно успеть?

— Спрашиваете, откуда время берется? Если не искать ни деканства, ни ректорства, не стараться пристроить к университету своих родственников, не ходить с жалобами, с просьбами, не искать покровительства в попечителе — появляется очень много времени для многообразных и продуктивных занятий.

— Вам удастся решать проблемы, находить ответы на вопросы, которыми вы не занимались специально. Как это удастся?

— Когда у вас в голове сложится образ реального мира, пусть сложный, но цельный, вам не составит особого труда войти в новые области. Ничего отдельного и ничего отрывочного в мире нет, все неразделимо.

— И последний вопрос. Сейчас, когда общественная жизнь так накалена, ваш голос мог быть услышан, мог повлиять, дать направление...

— Да, я вижу людей политически раздраженных, склонных к драматическим эффектам... демонстрации, протестации... Банкетные речи, знамена... В их программах очень много риторики и очень немного политической мысли. Мне кажется, что там много неудавшихся актеров, несчастных литераторов, студентов, не окончивших курс, но окончивших учебу..

— Конечно проще в тихой келье заниматься соединением, — заглянул в блокнот, — спирта с водой, нежели на площади отстаивать свободу, дать бой деспотизму!

— Дать таблицу удельных объемов при соединении спирта с водой в разных температурах смогли всего три человека... Нелепо объяснять вечным женихам революционной Пенелопы, что наука тоже имеет свои притягательные черты.

— Мы вступаем в полосу общественных пересозданий, социальных бурь, нарождается новое поколение людей, которые никогда не смирятся с деспотическими порядками...

— Пусть уж я останусь, с вашего позволения, солистом в науке, нежели стану хористом в революции.

— Благодарю вас сердечно. Извините, что отнял у вас... Позвольте, Дмитрий Иванович, откланяться?

— Сделайте милость.

После ухода репортера повисла пауза.

— Продолжим? — напомнила Озоровская.

— Приснилось... — буркнул Менделеев. — Ты «Изоморфизм» напиши, «Удельные объемы», «Молекулярное сцепление жидкостей», «Органическую химию» напиши, а потом сны смотри... Так, Ольга, пишем в Министерство финансов, его высокопревосходительству Витте Сергею Юльевичу...

Заветы матери были для ее сына священны. Они были его исповеданием веры: *«Избегать латинского самообольщения, настаивать в труде, а не в словах и терпеливо искать божескую или научную правду... Сколь часто диалектика обманывает, сколь много еще должно узнать и как при помощи науки, без насилия, любовно, но твердо устраняются предрассудки и ошибки, а достигаются: охрана добытой истины, свобода дальнейшего развития, общее благо и внутреннее благополучие».*

Менделеев не блистал красноречием. Ни легкости в словах, ни легкости в пере у него не было, но придет время, и на его лекциях аудитории будут заполнены слушателями со всех факультетов. И он это знал и писал в дневнике: *«Ко мне в аудиторию ломились не ради красных слов, а ради мыслей...»* Его «Органической химией» будут зачитываться! Вот отзыв известного химика и ученика Менделеева: «В книге до такой степени выдержана соразмерность частей, так ясно отсутствие всего лишнего, руководящие идеи провидены в ней с таким искусством, что она дает впечатление художественного произведения. Она так целостна, что, начав читать, трудно от нее оторваться»¹. Книга повысила интерес молодежи к химии, и Менделеев это знал и видел.

Для тех, кому важен смысл, кто ищет прямые пути к истине, Менделеев был близок и понятен.

Казалось бы, каждая подробность, каждая крупница жизни человека, к которому по праву может быть отнесено гоголевское определение — «явление русского духа: это русский человек в его развитии», — должны быть прослежены, осмыслены и сохранены.

Куда там!

Подаривший миру периодическую систему элементов, подаривший поколениям последователей бессмертные «Основы химии», ученый и практик, созидатель, первооткрыватель и воспитатель, мыслитель ума всеобъемлющего, человек, служивший благу России до конца своих дней, как бы задвинул в отраслевую ячейку «химия» и не удостоен быть включенным в сонм великих подвижников нашего отечества.

¹ Д. М. Менделеев в воспоминаниях современников. Г. Г. Густавсон. М.: Атомиздат, 1973. С. 18–19.

Здесь, быть может, необходимо сделать небольшое отступление от повествования о Дмитрие Ивановиче Менделееве, но, следуя его завету о поисках единства в окружающем нас мире, объяснить, почему вдруг Менделеев стал героем киносценария.

А дело было так.

Вступая в новый век, буквально в 2000 году мой земляк, человек разносторонне талантливый, прозаик, драматург, общественный деятель Алексей Сергеевич Козырев выступил с инициативой создания в Петербурге городского Общественного совета. Идея не только была в ту пору поддержана губернатором Владимиром Анатольевичем Яковлевым, но и послужила толчком к формированию нового органа в структуре гражданского общества не только в Питере, но и за его пределами, вплоть до Первопрестольной.

Спросите, при чем здесь Менделеев. Отвечу.

Общественный совет (позднее, в духе времени, «совет» заменили на «палату») в чем-то подобен периодической системе. Здесь представлены люди, носители самых разных способностей (свойств!) и профессиональных навыков, совершенно разные, но пользующиеся безусловным доверием как в своей профессиональной среде, так и среди горожан, в определенном смысле — лицо города. Все вместе, извините за сравнение, структурные элементы современного общества.

Расположенные в своей профессиональной «клетке», эти люди могут не знать и в большинстве своем и не знают друг о друге.

Но разделение труда разве не важнейший этап прогресса?

Безусловно, но как сказано в одной известной книге: есть время разбрасывать камни и есть время собирать камни. И едва ли случайно, раз уж мы прикоснулись к науке, сегодня рождаются новые идеи, открытия и технологии как раз на междисциплинарных перекрестках.

Что может объединить скульптора академика Альберта Чаркина и академика медицины Николая Белякова, юриста Игоря Соболевского и директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, актера Николая Бурова и генерал-полковника Анатолия Ермакова, кораблестроителя Владимира Ходырева и директора Государственной хоровой капеллы Ольгу Хому, главного врача родильного дома Галину Суркову и директора ювелирной фабрики Николая Шайдулина?..

Ответ очевиден: забота о городе, о горожанах, о совершенствовании условий жизни, сохранении и преумножении культурного наследия...

Вспоминая Менделеева, его ученик и последователь профессор химии Петербургского университета Л. А. Чугаев отмечал исключительную способность ученого «к резким скачкам мысли, к неожиданному сближению фактов и понятий, которые для обыкновенного смертного кажутся далеко стоящими друг от друга». И не случайно сам Менделеев так определял философию своего научного творчества: *«Хочется-то мне выразить заветнейшую мысль о нераздельности и сочтанности таких отдельных граней познания, каковы: вещество, сила и дух; инстинкт, разум и воля; свобода, труд, долг»*. Его мировоззрение определялось интуитивным ощущением органической целостности материального и духовного мира. Отсюда интерес к теории «мирового эфира», соединяющего материальный мир, и серьезное изучение спиритизма как, возможно, неизвестной человеческой способности.

Поиск гармонии между равнодушной природой и ищущим истину и справедливость совестливым человеком, поиск гармонии между материальным и духовным — не самая ли заветная мечта лучших умов человечества?

Возвращаясь к нашей Общественной палате, где идеей блага города и горожан были объединены люди самых разных сфер деятельности, представляющих жизнь города во всей ее полноте, можно сказать, что это пусть скромный, но шаг как раз в направлении, подсказанном Менделеевым, соединившим в своем научном творчестве удивле-

ния достойное число проблем химии, физики, естествознания в самом широком смысле, а также педагогики, политической экономии, социологии.

И если бы я не был удостоен чести быть приглашенным в президиум Общественного совета Санкт-Петербурга, едва ли мне удалось бы встретиться с генеральным директором института стандартизации и метрологии академиком РАН В. В. Окрепиловым, с наследником по прямой Палаты мер и весов, основанной Менделеевым. Именно Окрепилову и принадлежит мысль попробовать создать *художественный* фильм о великом ученом и удивительном человеке.

Проработав на киностудии «Ленфильм» почти тридцать лет, я не утратил контакт с коллегами. И мы с Владимиром Валентиновичем имели основание рассчитывать на заинтересованность студии в общей работе. Мы встретились с руководством «Ленфильма», посвятили в наш замысел. Ни заинтересованного режиссера, ни заинтересованного продюсера студия не предложила. Я жил еще старыми представлениями о «Ленфильме», где как редактор, член сценарно-редакционной коллегии и сценарист участвовал в создании около полутора сотен фильмов. В советское время студия производила в год шестнадцать фильмов для кинопроката и шестнадцать серий по заказу Гостелерадио, то есть для телевидения. Теперь на «Ленфильме» снимается один-два фильма в год. Чем живет и за счет чего живет сегодня «Ленфильм» в условиях «рынка», мне неизвестно. Впрочем, одно было понятно: на Менделеева «на рынке» спроса не обнаружилось. На Колчака, на императриц, на детективную жвачку спрос был, на Менделеева не было.

Мы решили, что те, кто сегодня определяет, так сказать, репертуарную политику отечественного кино или у кого в руках кошелек, просто имеют смутное представление о человеке, во множестве измерений уникальном, о человеке, которым вправе гордиться и отечественная, и мировая наука. А уж нам-то, питерцам, городу, где он возрос, трудился на износ, прославился и обрел последнее упокоение, как же не помнить и не чтить великого соотечественника!

Мы начали работу, как говорится, на свой страх и риск.

Сценарий — это еще и производственный документ, с одной стороны, с другой — он должен быть ориентирован на единственного исполнителя, на режиссера.

Дважды по одному сценарию фильмы не снимают!

В контакте с академиком В. В. Окрепиловым я не писал сценарий, я писал, условно говоря, «альбом», наполненный сценами из жизни Менделеева.

Я сам приближался, входил на необыкновенно интересную и неизвестную мне территорию, поименованную замечательным именем.

Все было неожиданно, вплоть до фамилии героя.

Оказывается, фамилия его деда — Соколов, и Дмитрию Ивановичу быть бы Соколовым, если бы в Российской империи, а вернее в решениях Синода, не существовало правила, по которому фамилию священнослужителя принимает лишь сын, наследовавший от отца священство. Лишь старший сын, пошедший по стопам отца, остался Соколовым. Трое младших отправились в мир и вынуждены были брать себе фамилии совершенно случайные.

Чем больше я соприкасался с судьбой Менделеева, тем больше возрастало желание рассказать о нем, по имени всем известном, а по сути-то неизвестном.

Ну, разве можно выдумать хотя бы такую историю?

1880 год. Санкт-Петербург. Квартира Менделеева в университете

В прихожей отряхивала от дождевых капель зонтик молодая красивая дама с испанским типом лица.

— Как прикажете доложить? — спросила горничная, приняв зонтик и ватерпруф.

— Госпожа Менделеева, — оглядывая себя в зеркале, представилась гостья. Менделеев поднялся из-за стола, чтобы встретить даму и предложить ей кресло.

— Я приехала предупредить вас, Дмитрий Иванович... — решительно начала дама. Менделеев не скрыл удивления. — Я вынуждена была выдать своих сыновей... за ваших племянников, Дмитрий Иванович.

— У вас их много? — поинтересовался Менделеев, теребя бороду, чтобы спрятать недоумение.

— Двое. Я привезла Сергея и Михаила в Петербург для поступления в Кадетский корпус. И что же? Вакансии нет! Мы ехали из Елабуги, и — пожалуйста, нет вакансии! — Достала платок, чтобы смахнуть слезу, но слеза не появилась, и платок спрятала. — Я растерялась, — твердо сказала дама, по-видимому редко теряющаяся, — и от растерянности выпалила: а для племянников Менделеева тоже нет вакансии? Смугились! Дмитрий Иванович, смугились. Куда-то доложили. Пришлось ждать. Через три дня — ответ. «Для племянников Менделеева может быть сделано исключение».

— Как же так?.. Нехорошо.

— Но мы же как-никак из Менделеевых...

— Вы — из Менделеевых, а я нет.

Теперь пришла очередь неподдельно изумиться даме.

— Мы — из Соколовых. Я буду курить с вашего позволения, — сказал Дмитрий Иванович и начал сворачивать изрядную «крученку». — Дед был священником села Тихоманрицкого Вышневолоцкого уезда, и фамилия его была Соколов. А порядок, как вы знаете, такой: кто дело отца принимает, тому и фамилия его переходит. Из четырех сыновей в священники пошел старший Тимофей, вот он и остался Соколовым. А остальным троиц придумывали фамилии. Александр стал Тихоманрицким. Василий — Покровским. Был помещик у нас из мелких, Менделеев, вот отца и записали, недолго думая, в Менделеевы. Так что мы — из Соколовых!

— Однако... Как же это... Кто б мог подумать... Такое имя... — разохалась гостья.

Менделеев на минуту задумался, решая непростой вопрос. Заботливая мамаша с тревогой смотрела на Дмитрия Ивановича.

— «Племянники-то» мои хотя бы не шалопаи?

— Будьте покойны, Дмитрий Иванович... Папаша их строго держал...

— Как вы сказали? Сергей и Митя? — Менделеев обмакнул перо и занес его над перекидным календарем.

— Сережа и Миша... Не Митя, Миша... Михаил, младший, они погодки...

Менделеев вздохнул и записал на всякий случай.

Кстати сказать, сосед-то этот Менделеев оказался из татар. Почему кстати? Да «мендель» по-тюркски — «человек с родинкой», стало быть, отмеченный Богом, добрая примета!

Одна за одной записывались сцены и эпизоды, призванные познакомить с ним людей, не имеющих представления о его мощной личности, сравнимой по силе духа, независимости нрава и разносторонности научных интересов, реальному вкладу в науку разве что с титанами Возрождения!

Нам с Владимиром Валентиновичем Окрепиловым казалось, что фильм о человеке недюжинного ума, душевного благородства и внутренне совершенно свободном, органически независимом — редкость на нынешнем экране, а в жизни и подавно.

Фильм задумывался, разумеется, игровой, художественный, никак не научно-популярный. И ничего не выдумывать, Дмитрий Иванович Менделеев сложил свою биографию вполне художественно.

Стоило мне поближе познакомиться с тем, каким был Дмитрий Иванович Менделеев, и я был покорен им!

Как решился, отважился писать о нем? Помню. От восхищения, если хотите.

Вот Менделеева призывает к себе для беседы император Александр Третий. Надлежит представляться императору, как положено по протоколу, стало быть, в орденах. С трудом, перерыв все закрома, отыскали вместе с со своим верным служителем Михайлой Тропниковым все эти немалые числом и весом знаки признания в какой-то жестянке среди инструментов и металлического скарба. Это же кино — из хлама достают ордена. Это надо видеть, аттракционный номер! А уж нацепили с непривычки как бог на душу положит. Опять — кино: спорят, ругаются, торопятся, ищут фотографии орденосцев, чтобы понять, куда кресты, куда звезды... «А ленту, ленту... чтоб ее... забыли! Михайло, ищи ленту!» Держит в руках звезду: «Михайло, а эту-то чертовщину куда надеть?»²

А Дмитрий Иванович по-человечески покорила меня целиком и полностью вовсе не своим великими подвигами ученого, а рассказом о визите к императору в орденах и случайных брюках, надетых в спешке: «Вхожу. Его императорское величество протягивают руку. Что делать? Целовать? Но ведь нагнусь — штаны лопнут... И что я дальше с лопнувшими штанами буду делать?..»

Мой человек! А дальше уже предстояло вступить на материк, на континент жизни мыслителя и деятеля, прикоснуться к жизни, предельно насыщенной, исполненной человеческой страстью и научной дерзостью.

Одним из первых «открытий» для меня было то, что в работе Менделеева, чей портрет, надеюсь, и по сей день висит во всех школьных кабинетах химии, химия занимала не более тридцати процентов. А кроме глубокого и практического интереса к различным областям бурно развивающейся науки и техники, еще были живопись и дружба с лучшими художниками России, полные батальи с Куинджи, а еще была музыка и была любовь, безоглядная и страстная...

Первый брак, которому деятельно способствовала старшая сестра Ольга, убедив своего двадцативосьмилетнего брата в том, что любовь и счастье семейной жизни, пережитые ею самой в двух замужествах, не одно и то же. Брак сложился по внешности даже благополучно. Был гостеприимный дом, были дети, любимый сын Владимир, дочь Ольга, преданная и заботливая супруга...

Квартира в университете. Кабинет Менделеева

Горничная Поля принесла Дмитрию Ивановичу выглаженную крахмальную рубашку.

Дмитрий Иванович выхватил из рук горничной рубашку:

— Это что? Что это такое?!

— Рубашку просили...

— Я ношу выглаженные рубашки! Кто гладил?!

— Прачка гладила...

Менделеев распахнул дверь и выкинул рубашку в коридор.

Феозва Никитична слышала в своей комнате крик. Двинулась было выйти, но не решилась, опустилась в кресло, уткнувшись в батистовый платок.

В коридоре лежала гора из пятнадцати выброшенных рубашек.

² Вот и академик Лихачев мне со смехом рассказывал, как ему нужно было явиться на какой-то официальный прием со звездой Героя Социалистического Труда и как они всей семьей искали куда-то «закатившуюся» звезду и еле-еле нашли. Питерская традиция?

Прислуга бесшумно мелькала...

Дети, Володя и Оля, испуганно притихли в детской...

Менделеев стоял над выброшенными в коридор рубашками. Сокрушенно покачал головой и направился в комнату Феозвы Никитичны.

Жена и горничная подняли заплаканные глаза на вошедшего Дмитрия Ивановича.

— Я сожалею... Черт знает что... И ты, Поля, прости... Каждый должен делать, к чему приставлен... — попробовал оправдаться, но в досаде остановился. — Я немного погорячился, и совершенно напрасно...

— Только не говорите, что это никогда не повторится... — с горечью сказала Феозва Никитична, когда Поля бесшумно вышла. — Я не могу сказать, что я привыкла...

— Прости меня, Физа... Я сожалею...

— Я люблю вас и должна терпеть... Но дети... дети все слышат и видят... — Опухшее от слез лицо было красным и некрасивым. Она это знала. — Вы хотите сказать, что слезы не красят меня?..

— Знаю, Физа, знаю за собой... А ты знаешь, ругайся себе направо-налево и будешь здоров. Да-да... Вот бывший ректор наш Владиславлев не умел ругаться, все держал в себе и скоро помер.

Фиозве Никитичне нечего было сказать на это. Он молчала, не принимая таких странных оправданий.

— Что вы читаете? — Дмитрий Иванович взял книгу, лежавшую корешком вверх.

— Duc de Lille «Poesie enfers».

— «Поэзия ада»?

— Книга сделала шум. Сейчас все читают.

— Тебе, верно, скучно со мной?

— Ну что вы, вам зачастую удастся меня развлечь...

Дмитрий Иванович молча проглотил «шпильку».

— Я равнодушен к театру, но это ничего не значит... Я взял тебе ложку...

— Вы же умеете быть... Зачем же так? Я могу многое стерпеть, многое сносить. Немилостивых ад ждет... Я молюсь за тебя...

— Молитва печального человека не имеет силы восходить к престолу Божию, — почти механически произнес Дмитрий Иванович из Псалтири, думая о чем-то своем.

— Вам не кажется, что вы умеете сочетать все удовольствия безверия с наслаждениями тихой набожностью?..

Менделеев подошел к окну.

— Я вел тебя под венец с добрым чувством... Видно, нет в душе человека доброго чувства, которое бы не изнашивалось. Старею?..

— Un homme comme il faut acoquiet des annees, mais ne vieillit jamais! (Благовоспитанный человек становится старше, но никогда не стареет!)

Дмитрий Иванович хотел подойти к жене, но только махнул рукой и вышел. Зашел в детскую, где Володя и Оля выжидающе вскинули на него глаза.

— Ну да... нет, вот что я вам скажу... да, действительно... случается, ребятки, случается...

Менделеев порой и лекции начинал таким же неопределенным бормотанием.

— Чем заняты, молодые люди? — наконец спросил отец.

— Делаем план на лето, — перед Володей на низеньком столе был исчерченный лист бумаги.

- Можно полюбопытствовать?
- Будем строить шалаш... Вот здесь... за овином...
- Он будет нашей тайной, – сказала Оля. – Здесь куст, и там никто не увидит.
- Тайна так тайна... На мою деликатность можете рассчитывать...

Было время, когда биографические фильмы, посвященные выдающимся историческим личностям, создавались по канонам, приближающимся к правилам иконописи и составления жития святых.

Герои были разные, а фильмы почему-то были, что называется, «под одну гребенку».

Против рыцаря без страха и упрека выступали реакционеры и царские сатрапы, плели интриги коварные иностранцы, но герой находил опору своим трудам и мужеству в общении с «простым народом».

Режиссерам и сценаристам, мало что понимающим в кино, люди, куда более сведущие в киноискусстве, требовательно разъясняли, каким должен быть герой, каким должен быть фильм. Какие цитаты должны стать опорой для создания образа главного героя и фильма в целом.

Выдающийся кинорежиссер, педагог, взрастивший плеяду прекрасных кинорежиссеров, теоретик кино и совестливый человек Григорий Михайлович Козинцев, к примеру, признавался в том, что стыдится своего фильма «Белинский». «Поправками» и «рекомендациями», от которых невозможно было уклониться, превратили фильм в иллюстрацию к школьной хрестоматии по литературе.

В сущности, ничего нового под луной, если вспомнить, что основатель «единственно правильного» государства Спарты сын Зевса Лакедемон велел срезать с лиры Тимофея струны *сверх положенных* семи... Действительно, кому как не правителям знать, какой должна быть музыка и как звучать!

Это сегодня правители заняты делами существенными.

Волевое администрирование в сфере искусства как неперемнная функция власти в былые времена кормило изрядный «аппарат», сейчас не кормит.

Источники благ другие.

«Аппарат» власти сосредоточился на опеке высокодоходной материальной сферы и больше не фильтрует биографии исторических деятелей до радующей душу чистоты и прозрачности. А ищущие хлеба на ниве истории и культуры промышляют добычей в области *подноготной истории* сенсаций и упрятанных ранее откровений. Сегодня можно прочесть в общедоступных воспоминаниях, к примеру, внучки академика, человека безусловно воспитанного, интеллигентного, как он в раздражении от пустой болтовни запустил в свою «подругу жизни», как выразилась внучка, туфлей, «но промахнулся, и выбило стекло в двери кабинета». Рядом с этой туфлей выброшенные в коридор накрахмаленные рубашки – чистейший пустяк.

Впрочем, подробности самого разного свойства нужны для того, чтобы представить человеческую природу, характер героя в его полноте и цельности. Скорее всего, у Менделеева был взрывной характер, иначе он просто не был бы Менделеевым. После десяти лет семейной жизни наступил кризис.

1872 год. Квартира Менделеева в университете

- Если бы не особенности вашего характера... если бы я не жила в постоянном ожидании ваших непредсказуемых... – Феозва Никитична не договорила. – Ничто не проходит бесследно...
- Я хотел бы знать, что сказал профессор Боткин?
- Женские немощи, Дмитрий Иванович, не так интересны, как химия, нефть, что там еще, порох... Неудачная беременность дала осложнения. Мне

категорически нельзя отныне иметь детей. Больше того... Мой женский век оказался, извини, краток... Не перебивайте меня, мне говорить нелегко. Я даю вам полную свободу. Полную свободу... Я не вправе ждать от вас верности... Будьте верны себе. Но детям нужна семья. Детям нужны отец и мать...

— Что ж это будет?

— Будет то, что длится последние годы. Я уже давно где-то на окраине ваших интересов... Что я говорю, «интересов»! Я в круге ваших обязанностей. И я не могу вас упрекнуть... Но семья жива любовью.

Она замолчала, с надеждой глядя на мужа.

— Жизнь не укладывается в прописи, — глядя мимо Феозвы Никитичны, сказал Дмитрий Иванович. — После того как мы были помолвлены, я сказал познакомившей нас сестре, что не вижу в себе тех чувств, которые должен иметь жених. Восторг, эйфория...

— Все люди разные...

— Что мне ответила сестра? Она же на двадцать лет старше меня и чувствовала себя обязанной устроить мое семейное счастье. Она очень хвалила тебя, а потом сказала: «Знай, Дмитрий, я была два раза замужем. Первый раз за пожилым человеком Медведевым, а второй раз по страстной любви за Басаргиным. Скажу тебе первому и единственному: счастлива я была в первый раз, с Медведевым...»

— Зачем вы мне это передаете? Здесь какая-то аллегория?

— Она его не любила, а, оказывается, была счастлива...

Кто бы из современных актеров (или актеров других эпох) мог бы сыграть Менделеева? Естественно, я думал об этом. Здесь нужен не актер, а именно артист, что значит — художник, способный передать натуру страстную, наделенную неподдельной мужской мощью, артист умный, глубокий... Самый очевидный для меня исполнитель роли Менделеева — это Михаил Ульянов, увы, жизни ему не хватило дожидаться этой роли. Из «стариков», конечно, Николай Черкасов, обладавший, кстати сказать, природной склонностью к эксцентрике.

Может быть, я плохо знаю современный актерский «рынок», но такого артиста я пока не вижу. Масштаб поменялся, что ли?

Чем определяется выбор исполнителя?

Естественно — характером героя.

А что это за характер?

Такой личности, такого характера я, во всяком случае, не знаю.

Погружаясь в жизнь Дмитрия Ивановича Менделеева, пришел к убеждению в том, что в нем сочеталось несколько знаковых личностей, к примеру, Дон Кихот и Фауст, капитан Немо и Базаров!

Избавить человечество от зла, но не копьём и мечом, а просвещением и решением задач, продиктованных насущными потребностями людей, решались многие, но служить этой высокой миссии так, как это делал Менделеев, кому под силу? И если Дон Кихот — грустная пародия на рыцарство, то Менделеев — рыцарь науки, воюющий не с мнимыми чудовищами, а со вполне реальными разорителями страны, разорителями богатств, принадлежащих народу, с теми, кто вводит в университетах полицейский надзор, кто проводит законы «о кухаркиных детях», не имеющих права и мечтать об образовании... Так в чем же их сходство? В полном, как я понимаю, пренебрежении повседневной житейской пошлостью. Это рыцари идеи, один служил идее справедливости и чести, другой служил истине и чести.

Случалось, и сам Менделеев, потерпев поражение в схватке с размашистой мельницей власти, полушутя называл себя «рыцарем печального образа».

А еще, взглядываясь в словно упрятанное в заросли лицо Менделеева, где открыт к обозрению только купол лба, вижу в нем и черты капитана Гаттераса: целеустремленность, прямоту нрава и нестигаемую волю.

В сочинении Жюль Верна, а Менделеев с удовольствием его читал, есть такой эпизод. Зная о глубоком патриотизме Гаттераса, исследователя и морехода, члена Королевского географического общества, французский академик-географ, желая сделать комплимент, чувствуя коллегу, сказал: «Если бы я не был французом, я хотел бы быть англичанином». На это Гаттерас тут же выпалил: «Если бы я не был англичанином, я хотел бы быть англичанином». Ответ вполне в стиле Менделеева. И если Гаттерас хотел быть только англичанином, простим и Менделееву его желание быть только русским.

Не в подтверждение ли замеченного мною сходства характеров и научных интересов между реальным и вымышленным героем — их общее стремление на север, к Северному полюсу. Занимаясь проблемой Северного морского пути из Европы в Азию, Менделеев как раз предложил и обосновал маршрут не вдоль арктического побережья, а более краткий: по *дуге большого круга* подняться к Северному полюсу и оттуда — на юг к мысу Дежнёва. Для этого нужен мощный ледокол, и Менделеев участвовал в создании самого сильного на ту пору в мире ледокола «Ермак».

Северный морской путь, освоение которого Менделеев считал жизненно необходимым для России, так же, как и Великая транссибирская железнодорожная магистраль, должны были стать надежной скрепой страны. И ученый деятельно участвовал в подготовке к осуществлению обоих проектов.

Опять же, как и капитана Гаттераса, множество иностранных академий и едва ли не сотня научных обществ почитали за честь иметь в своих рядах в качестве действительного или почетного члена Дмитрия Менделеева. Именно иностранцы выдвигали Менделеева на Нобелевскую премию.

Равнодушие и недоброжелательство соотечественников — дело обычное, утешили чужеземцы. Его зазывали больше, чем кого-либо из его коллег, на конгрессы и конференции, охотно переводили на иностранные языки. По его учебникам учились в Европе и Америке. В предисловии к седьмому изданию «Основ химии» в 1906 году, а при жизни их было 8, автор писал: «*Мне стало очевидным, что этою книгою пользуются английские и американские студенты, чего, признаюсь, ожидать никак не смел и что глубоко тронуло мое русское сердце*». Ох уж это «русское сердце», молчал бы!

Есть еще один известный нам с детства герой, с которым у Менделеева тоже можно найти нечто общее, — капитан Немо. Менделеев, чье общение и круг занятий, передвижений по миру вплоть до поздних лет поражают воображение, жил в созданном собой мире, куда немногие могли проникнуть.

Дон Кихот, Гаттерас, Немо, может быть, и в русской литературе есть герой, в котором мы узнаем черты Менделеева? Естественно, не портрет, только черты.

А если приглядеться к тургеневскому Базарову да прислушаться?..

Они не только современники, но и, пожалуй, ровесники, Менделеев и Базаров. Роман «Отцы и дети» появится весной 1862 года. Как раз в апреле 1862 года двадцативосьмилетнему Менделееву за книгу «Органическая химия» присудят Демидовскую премию Петербургской Академии наук. В апреле же будет получено разрешение Министерства просвещения «о командировании приват-доцента Петербургского университета Менделеева с ученой целью за границу на 4 месяца». В апреле же 29-го числа, поддавшись уговору своей старшей сестры Ольги, Менделеев венчается с Феозвой Никитичной, и уже 6 мая молодожены отправятся в Европу и побывают в Германии, Голландии, Великобритании, Бельгии, Франции, Швейцарии и Италии.

В это же самое время «Отцы и дети» всколыхнули общество, Базаров был у всех на устах...

Спору нет, Иван Сергеевич Тургенев в своем Базарове запечатлел новый тип личности, явившейся на историческую арену.

Что же роднит реального Менделеева и героя, созданного великим писателем?

Прежде всего чувство собственной силы и свободы, независимость нрава. Оба грубоваты, оба терпеть не могут околичностей... Есть, есть общее... Но насколько же реальный человек во всей его многогранности, в его делах, помыслах и страстях весомей даже героя, созданного великим мастером русской литературы.

Да и можно ли сравнивать?

Сравнивать, может быть, и нельзя, но их *родство* и *отличия* лучше помогают понять и одного и другого.

Может быть, отличий больше, чем сходства. И для меня они прежде всего стилистически разные. Вот и Флобер говорил: исправить стиль — исправить смысл. Да и сам Менделеев преуспел в исследовании зависимости свойств химических элементов от их структуры.

Сколько споров и толкований, как правило в осуждение, вызвали памятные школьных времен слова Базарова: «Весь мир — мастерская, и мы в ней — работники». Мастерская, а не храм? Да разве можно так утилитарно, неблагоговейно смотреть на чудо, дарованное нам Создателем? Досталось Базарову!

А ведь, пожалуй, восприятие мира как мастерской было Менделееву как раз по сердцу.

По определению самого Тургенева, Базаров — нигилист. Чисто отрицательное направление ума, полное иронии и даже высокомерия, возвышает его над многими.

Вот Аркадий Кирсанов привез Базарова в свое имение, знакомит с отцом. Отец «стиснул обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал». Понимай так, что Базаров еще подумал, достоин ли его руки этот барин. Предположение не случайное. Поскольку Базаров не счел нужным представиться, старший Кирсанов интересуется: «Позвольте узнать ваше имя и отчество». — «Евгений Васильев, — отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом...» «Ленивое мужество» — это уже поза, преподнесение себя, декор. Но Базаров не то чтобы с барином заносчив, он и на ямщика, запрягающего лошадь, прикрикнет: «Ну, поворачивайся, толстобородый!» Писатель знает о своих симпатиях к этому самоуверенному и умному персонажу и боится выказать эту симпатию с первых слов, отсюда и снижающие героя подробности. Знает, как лепить образ, великий мастер художественной прозы.

Но когда рядом, пусть в воображении, возникает не то чтобы прозаическая, а реальная фигура современника, не то чтобы тускнеет, но смотрится уже в новом свете великолепно написанный герой.

После путешествия на Сахалин Чехов писал Суворину: «До поездки „Крейцера соната“ была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется bestолковой...» Чехов не поясняет перемены своего отношения к литературному «событию», но можно смело предположить, что впечатления от реальности, открывшейся ему в этом путешествии, заслонили достоинства литературного шедевра, заставили по-новому его увидеть.

Нет, ни Базаров, ни роман «Отцы и дети» после моего знакомства с Менделеевым не стали ни смешны, ни bestолковы, но ответ на вопрос, в ком из этих двух героев с наибольшей полнотой выразилось время, ответ на этот вопрос очевиден.

Тургенев — настоящий большой художник, а это значит, он может сказать больше, чем сам предполагает.

Рассказывая историю Павла Петровича Кирсанова обстоятельно с подробностями относительно обеда и туалета, описывая его жизнь после крушения надежд на счастье, как бы между прочим Тургенев иронически замечает: «Он мастерски играл в вист и всегда проигрывал» — и через запятую продолжает о привычках и отношениях с дамами. А ведь в этой фразе — «мастерски играл и всегда проигрывал» — едва ли не ключ

к пониманию в данном случае внешности и существа. А диалектика этих понятий, разумеется, касается не только англизировавшего свою жизнь в провинциальном захолустье хранителя тонких манер, но в такой же степени и «новых людей» Аркадия Кирсанова и Базарова, живших в сознании своей миссии, своего особого предназначения.

Автор любит Базарова, это его детище, его открытие, он сдержанно им любит. Чтобы рассмотреть, осмыслить, вжиться в образ *нового человека*, Тургенев в течение двух лет вел дневник от имени Базарова. (Работают ли так прозаики сегодня?) Он признается в письме к Герцену, что «при сочинении Базарова... не только не сердился на него и чувствовал в нем „влечение, род недуга“». Но художник, художник берет верх, и в конечном счете мы видим, что, мастерски играя роль нигилиста, Базаров проигрывает. Два, по сути дела, антипода — Павел Петрович Кирсанов и Евгений Васильевич Базаров — оказываются проигравшими. Почему? Если говорить коротко, и у одного и другого внешнее возобладало над сущностью.

«Надо быть справедливым», — говорит Аркадий.

«Это из чего следует?» — возражает Базаров.

Да, нигилисту, раз уж ты взял на себя эту роль, полагается отрицать и сомневаться. Они мастерски демонстрируют свои «принципы», произнося даже это слово на свой манер, преподносят себя, афишируют. Вот и Аркадий не просто снисходителен и великодушен по отношению к отцу, но еще и видит себя со стороны и любит себя собой в роли великодушного и снисходительного. Глаз художника проникает за оболочку, замечая, что Аркадий разговаривает с отцом, «неволью наслаждаясь сознанием собственной развитости и свободы». Как много в них, оказывается, театрального, показного. «Порядочный химик в двадцать раз полезней всякого (!) поэта». «Мы готовы к борьбе!» И так далее.

Может быть, это и есть тот декоративный либерализм, каковому и поныне сноса нет?

Менделеев царственно прост, что дано исключительным натурам. Это *простота* Петра Великого...

Ему не по нутру внешняя атрибутика значительности.

Репин оставил нам акварельный портрет Менделеева, где ученый изображен в мантии и плоском, как кепка грузинского щеголя, форменном берете доктора Оксфордского университета. Замечательно запечатлен поворот головы и взгляд глубоко задумавшегося человека, просто не помнящего о своем *фаустовском* наряде.

И, конечно, размышляя о Менделееве, непременно надо перечитать гётевского «Фауста».

Кстати сказать, мне кажется, интереснейшая тема «Менделеев в зеркале литературных прототипов».

И этот мотив *зеркала* может быть при известной фантазии реализован и в кино.

Не претендуя на оригинальность, напомним, что в фильме неповторимого Федерико Феллини «8¹/₂» герой в воображении своем оказывается в обществе всех женщин, когда-либо одаривших его своей любовью. Эти сцены полны иронии, глубокого понимания мужского подсознательного, не лишены красок сентиментальности и полны тонкого юмора...

Если уж о снах Менделеева слагают легенды, не грех представить его сон, где он окажется в обществе Дон Кихота, Гаттераса, Немо и, пожалуй, нашего Базарова. Им было бы о чем перемолвиться, а нам послушать.

Менделеев вовсе не эпическая фигура — это фигура гротескная, где причудливое сочетание реального, фантастического, трагического, комического выступают как знак времени.

Гротеск — жанр редкий, редчайший, и если можно найти образцы в современной литературе, то в кино, пожалуй, после «Покаяния» Тенгиза Абуладзе и вспомнить нечего. Кстати, исполнитель главной роли в фильме Абуладзе Автандил Махарадзе —

актер незаурядный, располагающий всеми необходимыми красками для воплощения эксцентрического характера Менделеева.

Гротеск, пожалуй, одна из характерных черт, признаков нашего времени.

Демократические перемены, бросившие как раз демос, то есть народ, в нищету, породившие олигархат и неукротимую разворовку народного добра...

Олигархическая демократия — гротеск!

А вчерашние партийцы со свечками в руках?..

А перепившийся президент свободной России не в состоянии покинуть самолет для встречи с главой иностранного государства?..

А стрельба из танков по действительно всенародно избранному Верховному Совету Российской Федерации?..

Поди придумай такое...

Гротеск — формула эстетической обусловленности нашего времени.

Политическое лицемерие и религиозное ханжество, где вера «на всякий случай» хочет казаться искренней, а любое бесчестие находит себе оправдание, подмена истинного на выгодное, фальшь, возведенная в степень искусства, горделивое невежество ничтожеств и самодовольство успешных карьеристов... читатель легко дополнит своими наблюдениями этот перечень характерных примет многих времен, да и нашего времени тоже.

Гротеск — развернутая в драматургическом пространстве метафора.

Гротеск — вздыбленная и вспоротая до сущности реальность.

Гротеск не обязательно стихия сатирического.

Мне кажется, что в этом же ряду, в этом же жанре соединения несоединимого видится, к примеру, история трех художественных созданий, как бы подводящих черту под сходящей на нет советской эпохой.

«Покаяние» Тенгиза Абуладзе — анатомия деспотизма, притворяющегося, кривляющегося, лицемерного — Ленинская премия!

«Собачье сердце» Владимира Бортко — крах иллюзий относительно фантастического социально-психологического эксперимента — Государственная премия!

«Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, книга, одно хранение которой на исходе коммунистической власти считалось государственным преступлением, — Государственная премия, правда, не принятая автором.

Случайны ли эти высокие награждения? Да нет, конечно.

Уже сознавая свое бессилие, носители власти таким образом публично отрещивались: это не про нас, не про меня! мы совсем другие!

Кто отрещивался и откупался наградами?

Да те же самые хранители заветов соцреализма, проводники решений партии в жизнь, не они ли только что строго следили за политическим и бытовым благонравием советского кинематографа и воспрещали распитие спиртного и курение на экране!³

И «Покаяние», и «Собачье сердце», и тем более «Архипелаг ГУЛАГ» — это отходная власти компартии, безраздельной власти коммунистов.

Ну что ж, могильщиков по нашей традиции принято благодарить... Благодарили кандидаты в покойники.

А что же наш Дон Кихот?

Он наконец встретил свою Дульсинею в Петербурге. И она родила ему четверых детей!

Шестнадцатилетняя Анна Ивановна Попова, дочь казачьего полковника с Дона из станицы Урюпинской, студентка Академии художеств и Петербургской консерватории, впервые увидела Дмитрия Ивановича с балкона в актовом зале университета.

³ Регламентировалась даже длина поцелуя на экране. Не больше установленного метража! А у Чехова-то в «Даме с собачкой» сказано: «поцелуй их был долгий, длительный». Беда с этим нескромным Чеховым!

Актальный зал в университете

Студенты и курсистки теснились на хорах.

Юной Анне Ивановне Поповой ее подруга Надежда Яковлевна Капустина, племянница Менделеева, давала пояснения:

— Бекетов... Бекетов... Седые волосы шапкой... Это ректор. Вот к нему подошел, разговаривают, это Бутлеров... Вошли двое, видишь? Это Докучаев и Вагнер...

Публика заполняла зал.

Вдруг возник какой-то шепот и легкий гул. Лица оживились. «Менделеев, Менделеев...» — раздалось внизу и отозвалось на хорах.

В проходе шел совершенно особенного вида человек. Довольно высокого роста, средних лет, плечи несколько приподняты, большая развивающаяся грива пушистых русых волос, серьезное выразительное лицо, быстрые движения. Шел скоро, всей фигурой вперед, волосы от быстрого движения колыхались. Вид внушительный, а все встречали и провожали улыбками. Среди преподавателей в вицмундирах Менделеев был один в сюртуке.

Он прошел и занял свое место.

— Это и есть ваш дядя? — удивленно спросила Анна Ивановна.

— Мамин брат, — подтвердила подруга.

— Все в вицмундирах, он в сюртуке? — заметила Анна Ивановна.

— Терпеть не может форменной одежды. Хорошо хоть в сюртуке, а то он к фраку серый жилет надевает и каждодневные серые брюки...

Анна Ивановна расхохоталась.

Было видно, как он там внизу что-то говорит, выразительно жестикулируя. Предмет всеобщего внимания, сам не обращал никакого внимания на окружающих.

Девушки возвращались домой на улицу Глинки. Шли через Поцелуев мост.

— Мне предложили давать урок у Мамоновых, — сказала Анна Ивановна. — Много ли я сама умею? Только-только в академию поступила, первый курс...

— Соглашайтесь не раздумывая! Кто предложил? Прахов? — Анна Ивановна кивнула. — Раз он предложил, значит, сможете.

— Мальчику восемь лет, урок надо давать на французском языке... Три рубля в час...

— В академии триста учеников, а нас, учениц, — тридцать! Всего тридцать! Случайных и неспособных едва ли приняли бы. Сомнения художник обязан в себе носить. Но если Прахов в вас не сомневается, так уж поверьте ему.

— Напишу домой — вся станица ахнет! — рассмеялась Анна Ивановна.

Племянница пригласила свою однокурсницу, замкнута жившую в чужом городе, в гостеприимный дом своего дяди.

И здесь уже сорокадвухлетний профессор обратил внимание на юное создание. Пришло то, чего еще не было в жизни...

Знаменитый ученый, чье имя уже было на устах коллег по всему свету, чьи учебники вводили в науку все новых и новых искателей истины, мокнул под петербургским дождем, узнаваемый даже под зонтом, чтобы встретить и проводить до дома курсистку рисовального класса.

Наконец она появилась. Он спешит из тени египетских сфинксов, стерегущих спуск к Неве, к ней навстречу. Теперь они пойдут вместе, но только до ее дома на той стороне реки, по жизни пойдут вместе только через четыре года. А пока, укрывая от ветра и дождя своим зонтом, он ведет ее через Благовещенский мост, первый постоянный мост через Неву в Петербурге, до нынешних времен стоящий на деревянных сваях. Дорога не долгая, но и полчаса, а то и сорок минут — путь к счастью.

1877 год. Осенний Петербург

– Учениц в академии так мало, за каждой из вас ухажеры в очередь?

Анна не заметила ревнивой нотки или сделала вид, что не заметила.

– Ухажеры?

– Неудачно выразился?

– Нет-нет... Наши молодые люди взяли верный и приятный тон. Признаюсь, я была удивлена, приятно удивлена... Никаких фамильярностей, даже в шутку никакой вольности. Анатомия, обнаженная натура могли бы дать повод... Услуги принимаем, точат карандаши, носят тяжелые папки, но все это по-дружески. Бывают и увлечения, но все на серьезной подкладке. Народ же у нас разный, молодые люди из разных слоев, разного воспитания, но все держат тон.

– Я слышал много хорошего о Чистякове, – сменил тему Дмитрий Иванович.

– Я сначала не понимала Чистякова, он же ничего не объясняет. Бросит фразу-две, и понимай, как знаешь. А сегодня я поняла. Рисую Германика, фигуру целиком. Подошел, сел рядом, взял резинку и карандаш, поправил и, уходя, произнес: «Когда рисуешь глаз, смотри на ухо!»

Менделеев рассмеялся.

– Все правильно, Дмитрий Иванович. Правильно! Прекрасно нарисованная часть лица или фигуры не выразит ничего, если она не в гармонии с остальными частями.

– Сегодня вы так задержались...

– Был экзамен. Анатомия. Сдаем без паники. Профессор Ланцерт относится к нам вполне снисходительно. Вся анатомия у нас – мышцы и скелет. Вызвал меня и говорит: «Нарисуйте нам череп – череп девицы, только хорошенькой...»

Кто-то из шедших навстречу узнал Менделеева, почтительно приложился к шляпе.

– Вы должны быть особо благодарны вашей матушке. Родиться 27 февраля, еще день-другой, и ваш день рождения отмечался бы лишь раз в четыре года.

Стояли над Крюковым каналом.

– Казачки – народ смуглый, а вы... Откуда у вас эта золотая корона?

– Моя бабушка, мамина мама, – шведка, шведка с Аландских островов.

– До сих пор я воспринимал жизнь как испытание, теперь – как благо.

И еще одна прогулка.

– Что вы читаете? – спросила Анна.

– Не думать я совершенно не умею, а чувствую, надо отдохнуть мозгу. Ну, и возьмешь такую книжку... об индейцах, сыщиках и преступниках. Мыслей в ней нет, читается легко... Особенно после обеда. В пампасах индейцы следы отыскивают, когда надо, стреляют без промаха...

– А поэзия?..

Менделеев долгим взглядом посмотрел на Анну и начал, не обращаясь к ней, просто, без пафоса:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.

**Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?..**

Анна выждала и продолжила:

**Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.
Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей...**

Шли, боясь взглянуть друг на друга.

Крюков канал, Новая Голландия, Никольский собор в уютном парке, краснокирпичные казармы Морского экипажа и праздничный небесного цвета Мариинский театр...

Здесь во всякую погоду можно было видеть высокого чуть сутулого господина с львиной гривой под широкополой шляпой, сопровождавшего юную особу, стройную, с тонкими чертами лица...

Все в этой истории было непросто, да и не могло быть просто. Анна Ивановна была только на шесть лет старше сына Менделеева.

Обеспокоенный судьбой дочери, в Петербург приехал отец для встречи и решительного объяснения с Дмитрием Ивановичем.

Однажды на пороге университетской квартиры Менделеева появился казачий полковник с Дона.

Квартира Менделеева в университете

Разговор с Иваном Ефстафьевичем Поповым, по возрасту почти ровесником Менделеева, был трудным и долгим.

В повисшей паузе Попов подошел к окну, увидел приставленную к окну деревянную лесенку, позволявшую выходить из кабинета прямо в палисадник, отделявший здание университета от тротуара на улице.

Гость удивился, но виду не подал, обернулся к молчавшему Менделееву.

— Я с полным уважением отношусь к вашим чувствам... Но все складывается к тому, что вам с Анной надо расстаться. Вы женаты, и согласия на развод вами не получено? Это так? — Дмитрию Ивановичу оставалось только кивнуть. — Разница в возрасте... Огромная... Анна ненамного старше вашего сына. И... казачка из станицы Урюпинской, дочь урядника войска Донского и... гордость нашей науки...

— Иван Евстафьевич, позвольте уж заметить... Казачка, станица... Не все казачки поступают в консерваторию, не все казачки учатся в художественных классах Академии художеств Санкт-Петербурга... Уничуждение, как говорится, паче гордости. Позвольте, позвольте, — остановил готового возразить Ивана Евстафьевича. — Я понимаю все сложности, о которых вы говорите. Если бы мне было тридцать лет и мое имя знали бы лишь полтора десятка приятелей, все было бы проще. Сложность лишь в том, что я люблю Анну Ивановну. Люблю искренне, глубоко и... и мог убедиться в прочности своего чувства. В прошлом году Боткин, мой друг, врач, велел уехать на зиму в теплые места. Жил в Ницце. Думал, что там успею отвыкнуть от Анны Ивановны... Вот так четыре года — срок немалый. Четыре года я каждый день пишу Анне Ивановне письма...

Попов вскинулся от удивления.

– Я ни одно из них не послал.

– Отчего же?

– Мне нужен был этот безответный разговор с человеком, ставшим моей судьбой. Я не мог позволить себе иного выхода моим чувствам. Я оберегал Анну Ивановну...

– Прекрасно, Дмитрий Иванович, вот и я приехал только для того, чтобы уберечь свою дочь... Я должен просить вас справиться со своими чувствами и дать мне слово больше никогда не видеться с моей дочерью. Ей не остается иного, как покинуть Петербург.

– Но в академии отмечают ее успехи, она легко из рисовального класса перешла в фигурный...

– Разумеется, я об этом помню. Я увожу ее в Италию, там тоже учат и живописи, и рисунку. Ваше слово... Я жду...

– Если я не мог вас убедить... Не нашел слов... Остается покориться вашему желанию... – и Менделеев протянул Попову руку.

– Не сомневался в вашем благородстве, Дмитрий Иванович, – Попов с чувством пожал протянутую ему руку.

Анна Ивановна уезжает.

Дмитрий Иванович помогал Анне Ивановне собираться в дорогу.

– Вы спрашивали, зачем я шью чемоданы? Видите, пригодилось! Где сшить, так уж сшито, где склеено – не расклеится. Чем клеят? Столярным клеем или синдетиконом? Это вздор. Все распадется. Я клей сам варю, будьте покойны...

– И как же вы варите клей?

– Развариваю ржаной хлеб, процеживаю его через густое сито... – начал было всерьез Менделеев, но увидев подавленную улыбку, остановился в смущении. – Думаю, Анна Ивановна, вам клей варить не придется...

Дмитрий Иванович держался почти непринужденно. Хвалил свой чемодан.

– Это моя конструкция. Удобен, благодаря наличию четырех отсеков можно все распределить...

– Как в таблице Дмитрия Ивановича Менделеева, – улыбнулась Анна Ивановна.

– Если угодно, если угодно... Но вот предмет моей гордости. Это замок. Конструкция моя. Поворачивая эти звездочки, вы набираете слово «Roma», и замок открыт. Чтобы его закрыть, достаточно сдвинуть эти звездочки в любом порядке. Прошу испытать... Набирайте...

Анна Ивановна проверила – замок на чемодане был заперт, покрутила звездочки – чемодан раскрылся.

– Как вы можете тратить свое время на такие вещи? – воскликнула Анна.

– Считайте, что это та же игра в шахматы, но если при игре остается лишь недолгое воспоминание о проигрыше или выигрыше, здесь – только выигрыш. Вещь, которая может долго служить. Вы знаете о нашем разговоре с Иваном Евстафьевичем?

– Да, конечно...

– Но... если я получу развод?

Анна Ивановна неопределенно пожала плечами.

– Прежде чем вы уедете, я должен сказать вам, что как бы вы далеко от меня ни были... человека ближе вас у меня не было и нет.

Боблово. Усадьба Менделеева

К дому подъехала коляска.

Вышедшего из коляски Бекетова приветствовала тут же появившаяся Феозва Никитична.

— Хорошо, когда дом на высоком месте. Гостя видно издали. Какими судьбами, дорогой Бекетов? Рада вам.

Бекетов поцеловал руку Феозвы Никитичны.

Вслед за хозяйкой из дома вышел слуга, взял из коляски саквояж, увязанные бантами коробки с гостинцами и остановился в ожидании распоряжения.

— Неси в гостевую, — приказала слуге хозяйка. — Как это славно, Бекетов, что вы заглянули в наш «медвежий угол». Но «медведя» нет, разве вы не знаете, что он едет на съезд то ли в Египет, то ли в Марокко...

— В Алжир, — уточнил Бекетов.

— Да, да, в Алжир...

— Он не должен ехать в Алжир, — неожиданно для себя произнес Бекетов, еще не знавший, как он начнет разговор, ради которого приехал.

— Вот как? Что-то случилось? — в тревожном предчувствии спросила Феозва Никитична.

— Надо сделать все, чтобы ничего не случилось, — легкой интонацией Бекетов попытался сообщить и легкость предстоящему трудному объяснению.

— Господи, говорите загадками... Проходите, наконец, в дом...

Легким разговор не получился.

Бекетов и Феозва Никитична сидели в гостиной за чайным столиком, не притрагиваясь к чашкам. Повисла пауза.

— Вы взяли на себя тяжкую миссию, Бекетов...

— Мы знаем с Дмитрием Ивановичем друг друга давно и хорошо... Я никогда бы не отважился на этот разговор, если бы не чувствовал, что Дмитрий Иванович в отчаянии.

— Вот как? Как другу нашего дома скажу, мне случалось видеть, как Дмитрий Иванович приводит людей в отчаяние, оставаясь при этом невозмутимым. Его неизменная твердость и душевное равновесие изумительны.

— Под его спокойствием, твердостью и уверенностью — это все снаружи — гнездятся сомнение и разлад, доводящие до потери воли и упадка духа.

— Мне кажется, мы говорим о разных людях...

Бекетов смолчал и продолжил:

— И у него сердце не без трещин, он живой человек...

— Пусть съездит в Алжир, развеется... Побудет вдали от этой курсистки, или кто она там...

— Перед поездкой на съезд не пишут завещания...

— Перед любой дальней поездкой, да еще морем... Дмитрий Иванович, вы же знаете, человек обязательный.

— Насколько я помню, даже уезжая в Америку, он завещания не писал. Это не поездка в Алжир... Ни для кого уже давно не секрет, как складывается жизнь вашей семьи в последние годы... Я, может быть, причину вам еще большую боль, но это исцеляющая боль, несущая освобождение.

— Господи, что еще? — с мукой спросила Феозва Никитична, готовая выдержать все.

— Дмитрий Иванович не знает, что я здесь... А здесь я потому, что вместе с завещанием он передал мне письма. В течение последних четырех лет он писал письма Анне Ивановне.

Феозва Никитична слегка повела плечом и чуть улыбнулась, выказав безразличие.

Бекетов продолжил:

– Писал почти ежедневно. Ни одно из писем послано не было.

Феозва Никитична еще раз улыбкой показала, что все это ей малоинтересно.

– Он вручил мне эти письма и просил передать адресату в случае его смерти.

Феозва Никитична потянулась к чайнику, потрогала его и тихо сказала:

– Остыл.

Встала и подошла к окну, не хотела, чтобы Бекетов видел подступившие слезы. Собралась с силами и спокойно произнесла:

– Я устала вести четыре года, четыре года эти бессмысленные разговоры о разводе. Вы знаете, Бекетов, мое отношение к вам, вы друг Дмитрия Ивановича, вы друг нашей семьи... И даже в какой-то мере душеприказчик Дмитрия Ивановича... Мне не хотелось бы, чтобы ваша миссия не удалась... Вдруг на вашем месте окажется человек не столь близкий, не столь деликатный. – Все это говорилось лишь потому, что последние слова было выговорить нелегко и нужно было подготовиться, чтобы сказать без слез. И она сказала: – Я грех на душу не возьму, передайте Дмитрию Ивановичу – я дам ему развод.

Дмитрий Иванович не сдержал слова, данного отцу Анны Ивановны, он бросил все и помчался за ней в Италию. Там они стали мужем и женой, как говорится, перед Богом и людьми.

Первая дочь Анны Ивановны и Дмитрия Ивановича – Любовь, будущая жена Александра Блока, появится на свет в статусе *незаконнорожденной*.

В царствование Александра Третьего, тяготившегося памятью о двоеженстве своего отца и строго придерживавшегося семейной морали, развод был делом исключительным. В порядке «исключения» консистория, куда были внесены 500 рублей, развод благословила, наложив на Менделеева запрет на вступление в брак в течение пяти лет. Государь решение консистории скрепя сердце утвердил. Но прецедент, как говорится, порождает соблазн. К государю пришел генерал NN просить содействия в разводе. Услышав категорическое «нет», напомнил: «А как же Менделеев?» И тут же услышал: «Менделеев у меня – один!» И здесь – кино! Увидеть бы эту сцену, да еще хорошо исполненную...

А дальше – непредсказуемо, как и полагается в истории героя, ни на кого не похожего.

Дмитрий Иванович не мог ждать бесконечные пять лет для утешения судей в подьячьицах.

И вот – Менделеев в роли искусствителя!

Заглядывавшие в его биографию знают, что свое венчание с Анной Ивановой Дмитрий Иванович попросту купил. Выложил, как говорится, на алтарь непомерную по тем временам сумму – десять тысяч рублей, как раз гонорар за книгу «О сопротивлении жидкостей». В трех-четырёх строках история выглядит почти заурядно: нашел покладистого попа, щедро заплатил, тот исполнил обряд венчания.

А если – в кино?

Тут и получение гонорара сверх ожиданий. Принятие решения, как употребить деньги. Поиски «надежного» священника. Нашел в церкви Спиридония в Адмиралтействе. Переговоры с батюшкой... Как начал, о чем заговорил?... И надо, конечно, видеть, обязательно видеть, как изменилось лицо верного присяге служителя Высшим силам, когда он услышал сумму – десять тысяч! И принял, и повел, повел вокруг аналая: «Венчается раб Божий Димитрий рабе Божьей Анне...» – и спел «Аллилуйю»...

Знал святой отец, по-нашему — батюшка, что сана лишат, и лишили, но ведь кто-то из вынесших приговор и расстригавших нераскаявшегося, не отдавшего деньги в Синод отступника, еще ему и завидовал... Сам же исторгнутый из сана, надо думать, не погряз в скорбях, уповая на то, что «Господь милосерд и человеколюбец», и почитал не снисшедшие ему десять тысяч посланными Небом.

В ту пору профессор, выслуживший 35 лет, получал три тысячи в год!

И одного этого сюжета могло бы на целый фильм хватить, только в удивительной судьбе героя это всего лишь эпизод. Не тем он славен... А как же забыть такой эпизод?..

7 августа 1887 года. Полет на воздушном шаре

Утро было пасмурным, сырым. Летняя ночь была на исходе. Из темноты выступал прикованный к земле сеткой из канатов огромный сморщенный шар, только еще наполняемый газом.

Масса людей, с ночи собравшихся к месту старта, теснилась вокруг у веревочного ограждения, у многих в руках были зонты.

Чуть в отдалении множество экипажей.

Из Боблова во весь опор мчалась коляска. Анна Ивановна не могла усидеть дома.

Пилот-аэронавт, двадцатидевятилетний офицер Воздухоплавательного отряда, высокий и стройный Кованько выглядел даже моложе своих лет. Он поглядывал на часы и бросал распоряжения солдатам, обслуживавшим прибор, накачивающий газ в хлипкое, колышущееся на легком ветру тело аэростата.

Кованько был в шлеме, кожаной куртке, конечно, щегольские усики, на ногах краги и башмаки...

Рядом с ним Менделеев не выглядел воздушным путешественником: длиннополое коричневое пальто, охотничьи сапоги, шляпа с широкими полями, пряди волос до плеч и борода.

Рядом с людьми, одетыми по-летнему, наряд Менделеева смотрелся не по сезону.

— Целые поезда из Москвы прибывают, как бы оцепление не смяли... — сказал Владимир, оглядывая нарастающую толпу.

— Почему они так медленно качают? — нетерпеливо бросил Менделеев и было двинулся, но Репин с альбомом и карандашом в руках его удержал.

— Дмитрий Иванович, раз уж решил не вмешиваться, правильно решил... Лишние вопросы только отвлекают...

— Володя, посмотри, что с картой, — распорядился Менделеев, и сын, двадцатидвухлетний гардемарин, отправился за ограждение.

— Воздухоплаватели! Мать их!.. Даже картой местности не обеспокоились. Нашли у исправника, а взять нельзя, как же урядник без карты будет по уезду скакать?!

— Дмитрий Иванович, делают же копию, уже заканчивают... — услышав ворчание Менделеева, бросил Кованько.

— Все — в последнюю минуту, Александр Матвеевич, кто этих уродов безмозглых только рождает?!

— Заканчивают, сейчас принесут, — сказал вернувшийся Владимир, взял отца под руку и отвел в сторону. — Карта-карта, черт с ней, с картой... Папа, тебе пятьдесят четвертый год... Это уже не научный эксперимент, а опыт над собой, — сказал Владимир. — Подумай только...

— Я, Володя, подумал. Видишь ли, есть масса чрезвычайно интересных задач, которые можно решать только при поднятии на аэростатах. Вот и Илья

Ефимович, — кивнул на Репина с альбомом для зарисовок в руках и холщовой сумкой через плечо, — прибыли, делают наброски с аэростата... Лестно быть запечатленным карандашом такого мастера. Не могу ж я обмануть его надежды. А потом, глядишь, картина Репина: «Менделеев на воздушном шаре».

Репин рассмеялся.

— Отец, какие уж здесь шутки! — Владимир не терял надежды удержать отца. — Ольга плачет, на Анне Ивановне лица нет...

— Поэтому я и запретил ей здесь присутствовать. Кстати, помнишь мою книгу «О сопротивлении среды»? Там одной главы недостает, надо дописать: «Семья как среда сопротивления».

Подошел Репин, придирчиво, с явным неудовольствием оглядел экипировку начинающего аэронавта в длинном пальто.

— Удобно ли тебе будет на небесах-то в таком охабне, сковывает? — спросил Репин.

— Да холод же там анафемский, а мне не казачка в корзине танцевать.

Владимир отвел Репина в сторону, пытаясь склонить его на свою сторону, отговорить отца от безумного поступка.

К ограждению, там, где стоял Менделеев, подошел мужик, по виду из «справных». Смотрел, жевал губами, явно желал что-то спросить.

Менделеев посмотрел на мужика и чуть вскинул голову, дескать, спрашивай.

— Ну че, барин, летишь?

— Лечу, — ответил Менделеев.

— Вестимо. От хорошей жизни не полетишь, — посочувствовал мужик.

— Такая уж, брат, служба... — Менделеев только чуть развел руками, дескать, куда ж деваться.

Коляска остановилась в отдалении от шара, где толпа собравшихся была реже и оживающий огромный шар было отчетливо видно.

Анна Ивановна выходить не стала.

Ее узнала дама с зонтом и ринулась с энтузиазмом:

— Анна Ивановна, дорогая, успели, успели... Вы попрощаться?

— Извините, Прасковья Михайловна, Дмитрий Иванович не должен знать, что я здесь... — с досадой произнесла Анна Ивановна.

— Как я вас понимаю! Я буду здесь, я буду рядом! Можете положиться...

За ограждением неподалеку от шара вокруг какой-то разгоряченной дамы собралась публика. Даму резонировали.

— Я требую властей! — донеслось до Менделеева.

— Чего ей надобно? — спросил Репин полицейского.

— Требуется, чтоб ее взяли лететь. Ей в Москве отказали, в Клину отказали, сюда примчалась, — пояснил офицер.

— Добрый знак, — сказал Менделеев, — если дамы у нас стали интересоваться аэростатами.

В стороне от толпы, словно извозчичья биржа, столпились ямщики, кучера, возницы, ожидая, когда народ начнет разъезжаться.

— Ты че это, Семен, аль в глаз что попало? — увидев, как сморкается и утирает рукавом слезу кучер, полушутейно спросил приятель.

— Барина жалко... Не будет второго такого... Я ж с Клина до Боблова его возил... Быструю езду любил... Случится, тряхнет на ухабе сильно, только рывкнет, как медведь... А на чай не скупился, по рублевке давал...

— Видать, на земле ему места мало, если в небеса потянуло...

— Эх, барин, барин... Вот до чего человека жизнь довела... — и промокнул слезу рукавом.

Менделеев подошел к корзине.

Солдаты подвешивали мешки с песком, другие удерживали аэростат за веревочные концы.

— Где табуретка? — спросил Менделеев.

— Здесь... Вот же...

— Ну, и ставьте... — обернулся к Кованько. — На края корзины пусть положат доску, у меня на ней будут приборы, чтобы все было под рукой... Время затмения очень короткое. Так. Барограф и анероид привяжите на мой рост, на уровень глаз.

Менделеев к пуговицам пальто подвязал на веревочках карандаш и записную книжку⁴.

Солдаты крепили к наружной стороне корзины канат с якорем.

— Это что ж, на воду будем садиться? — усмехнулся Менделеев.

— При приземлении увидите, как он сработает, — сказал Кованько. — Грузите батарею, с лампочкой осторожней!

Кованько отошел распорядиться погрузкой электрической батареи.

К Менделееву подошел Сосунов. Поздоровались за руку.

Сосунов отвел Менделеева чуть в сторону.

— Должен вас огорчить, Дмитрий Иванович, у аэростата нет подъемной силы.

— Как вы просчитали? — спросил Менделеев.

— За десять лет в аэростатическом отделе Технического общества чему-то я научился. Я знаю дело, лететь нельзя, уверяю вас, нельзя...

— То было можно, и вдруг — нельзя!

— Сырая ночь, был дождь, канаты намокли... Подъемная сила слишком мала, двоих аэростат не поднимет, двоим лететь никак нельзя, — как можно утешительней сказал Сосунов.

— Значит, я полечу один, — после минутного раздумья сказал Менделеев.

— Вы когда-нибудь летали? — сдержав улыбку, спросил Сосунов.

— Все когда-то делаешь в первый раз.

— Я командирован из Петербурга и не могу позволить вам этот полет, — твердо сказал Сосунов.

— Но и запретить мне вы ничего не сможете. Главное, подняться, а там шар обсохнет, подъемная сила вырастет... — сказал Менделеев.

— Я не могу взять на себя ответственность, я буду вынужден донести...

— Да, да, конечно...

Настала минута прощания.

Менделеев, обнял Репина, пожал руки ближнему окружению, подошел к сыну:

— Ну что, Володя?.. Бог не выдаст, свинья не съест... — обнял.

Залезть в корзину в своем облачении Менделееву было непросто, мешали веревки. Подсказали, что с угла будет удобнее.

Кованько вошел в корзину одним махом.

Табуретка, доска, приборы — все было на месте.

— Проверьте, Александр Матвеевич, в исправности ли клапан, — спросил Менделеев.

Кованько потянул три раза за клапанную веревку, раздался характерный свист.

⁴ Юрий Алексеевич Гагарин в своем путешествии в космос карандаш не привязал, в невесомости карандаш уплыл, запись по ходу полета не состоялась.

– Ну что, Дмитрий Иванович, с Богом!

Менделеев обмахнулся крестом.

– Трави помалу! – скомандовал Кованько.

Солдаты стали отпускать канаты.

Шар приподнялся, но тут же коснулся земли, и ветром его потянуло вбок.

– Майна! – скомандовал Кованько.

Корзина замерла на земле.

– Двоих не поднимет, – сказал Кованько.

– Лечу один, – сказал Менделеев.

– Дмитрий Иванович!

– Я! Лечу! Один! На разговоры времени нет. Александр Матвеевич, покиньте корзину! Условленное время отлета уже пропущено! Немедленно покиньте корзину! – заорал Менделеев, и лишь присутствие публики не позволило сопроводить гневный крик присловьем, не предназначенным для дамских ушей.

Но и сказанного было достаточно, чтобы Кованько покорно вылез из корзины на землю.

Менделеев попрыгал и решительно выкинул за борт табуретку и доску.

– Вам не страшно? – спросил кто-то с земли.

– Кованько, дайте мне ваш нож! – и тут же ответил любопытствующему: – Времени нет у меня бояться!

Огляделся еще раз: все на месте.

– Трави помалу! – скомандовал Менделеев.

Анна Ивановна видела, как огромный шар с подвешенной внизу корзиной, как огромное серое чудовище, качнулся и пошел вверх. Видеть, как он скрылся в низких облаках, мешали слезы.

Кругом аэростата был один туман.

Менделеев смотрел на приборы, привязанные к канатам, и на часы.

Взял мешок, взвалил его на борт корзины и стал горстями выкидывать из него отсыревший песок.

Когда песок был выброшен, аэростат вырвался в открытое пространство. Еще выше плыли небольшие облака.

Наконец он увидел солнце, почти закрытое черной тенью. Наступили сумерки.

Менделеев открыл блокнот, прикрепленный к петлям пальто на веревочке, и стал заносить данные, глядя на приборы.

Кругом солнца был светлый ореол чистого серебристого цвета.

Быстро были извлечены из небольшой корзинки с замком термометры и развешаны внутри и снаружи корзины. Следом был извлечен угломерный снаряд. Все это Менделеев проделывал ощупью, не отрывая глаз от солнца.

Владимир Дмитриевич был немало удивлен, увидев Анну Ивановну, так и не вышедшую из коляски. Мачеха была лишь на пять лет старше пасынка.

– Вы здесь?

– Где же мне еще быть?

– Но Дмитрий Иванович просил...

– Он и на публичные лекции меня не берет, но я всегда следом езжу... На следующий день признаюсь...

– Сердится?

– Для порядка...

– Куда вы сейчас? – спросил Владимир.

– В Боблово. Ванечка без меня может, а Мусю я кормлю...
– Я остаюсь в Клину, здесь скорей узнаем... – Владимир достал часы и щелкнул крышкой.
– И сразу же мне...
Владимир молча кивнул.

В глубине под аэростатом стлались облака в виде ровной сероватой пелены. Переход от сумерек к рассвету был почти моментальный. Наступила полная ясность облачного дня. Менделеев делал спешные записи в записной книжке. Спрятав записную книжку, Менделеев посмотрел на термометр: минус два. Взялся за клапанную веревку, клапан не открылся, веревка запуталась. Сколько ни дергал из стороны в сторону – ни в какую...

Скинул пальто, взял в зубы нож Кованько и, как старый пират, полез по канатам.

Пришлось карабкаться вверх, к опоясывающему аэростат кольцу.

Корзина угрожающе накренилась и стала раскачиваться.

Все равно ничего не оставалось, как лезть и, орудуя ножом Кованько, освободить клапан.

Спустившись в корзину, Менделеев тут же накинуд пальто, подул на замерзшие руки и сел на оставшийся в корзине мешок с песком.

Отдышавшись, подвинул корзину с приборами и неожиданно обнаружил в ней бутылку молока и булку.

Ветер нес аэростат неведомо куда.

Воздухоплаватель, словно мужик на пахоте, неспешно завтракал, удовлетворенно поглаживая бороду.

Из-под облаков показался край земли.

Аэростат плыл над местностью обжитой, виднелись дороги, деревни, жнивье.

Сжатые полосы хлебов, скошенные и оставшиеся под травой, резко отличались друг от друга, образуя пестрый ковер.

В поднебесной тишине теперь ясно слышалось мычание коров, ржание лошадей, удары топора...

Стали слышны и голоса, долетавшие снизу.

«Спускайся, свежая рыба есть!» – кричали снизу, когда проплывал над деревней у озера.

Шар уже несся над лесом, над заболоченной низиной.

Приметив за очередной деревней лесок, а дальше – поляну без хлебов, решил садиться.

Чтобы перелететь лесок, стал выбрасывать из последнего мешка горящими песок.

Перелетев лесок, схватился за веревку клапана и открыл его во всю силу.

Уже и народ бежал, дивясь этакому невиданному чуду.

Приметив здорового молодого крестьянина, Менделеев закричал ему:

– Веревку держи!.. Держи веревку и замотай!..

Мужик успел схватить веревку, как только она коснулась земли. Его приподняло, но он держался крепко. И когда корзина снова коснулась земли, успел обежать с веревкой вокруг деревца.

Аэростат прикоснулся к земле, подпрыгнул на несколько сажен и мягко опустился снова.

Дмитрий Иванович, вцепившись в веревку клапана, выпускал водород из оболочки.

Ветер, волочивший опадающий шар, завалил корзину набок.

К корзине, остановившейся у копны сена, подбежал мальчик с хитрым и полным боязливого любопытства лицом. уставился на путешественника.

– Сможешь веревку тянуть? Только крепко и все время, – спросил Менделеев, лежа на боку.

– Я все смогу! Я – бедовый! Я им говорю – комета летит, а в ней человек сидит... Дивья!.. А они не верили!

Передав веревку от клапана мальчишке, Менделеев выбрался из-под веревки и корзины.

Надвинулась толпа крестьян, сбежавшихся смотреть диковину.

Менделеев снял шляпу, перекрестился и поздоровался:

– Здорово, мужики! Чьи вы будете?

В ответ загудели, перекрикивая друг друга.

– Выходите, барин, будьте покойны...

– Все будет ладно, на хорошее место спустились...

– Тутошний народ добрый... У нас озорников нет...

– Спас-угловские мы... Так что – с благополучным вас воздушным путешествием!

– Уезд какой?

– Калязинский уезд Нагорской волости...

Выбрав основательного на вид мужика, Менделеев подозвал к себе:

– Как зовут?

– Макар Григорьев. Преображенского полка бывший унтер-офицер.

– Меня Дмитрием Ивановичем зовут. Так что просьба шар поберечь, имущество казенное...

– Будьте покойны, ваше превосходительство!

– Какое еще «превосходительство»? Сказано – Дмитрий Иванович. Так что будем знакомы, Макар Григорьев. И храни Бог шар от огня, не только шар погибнет, но и взрыв будет...

– Разве мы без понятия? – важно сказал Макар и тут же приступил к исполнению обязанностей, расставив широко руки, погнав народ, как кур, от шара: – А ну отойди от казенного имущества!..

Из толпы выступил староста, огорченный тем, что не его отметили и призвали в помощь:

– За пузырем-то мы посмотрим, будь покоен, и побережем, ну, да и за тобой присмотрим и тебя побережем. Я здесь старостой буду, а ты кто такой?

В измызганном песком пальто, в помятой шляпе, с растрепанной бородой и поповскими прядями до плеч вид имел Менделеев совсем небарский.

– Дмитрий Иваныч – вот кто такой, – заступив перед старостой, авторитетно сказал Макар Григорьев как о старом знакомом.

– Посмотрим, посмотрим... – уже другим тоном сказал староста и отступил.

– Вы, барин, не огорчайтесь. – сказал Макар, – такая комета в первый раз к нам прилетела. Непривычные мы. Ежели телега, я скажу, все будет...

Сдутый аэростат громоздился на одной подводе, на другой везли от шара корзину.

Первую подводу вел исполненный важности Макар Григорьев.

Рядом шли мужики и бабы, внимая рассказу Макара:

– Я его спрашиваю, из каких же ты, Митрий Иванович, будешь? Так и сказался – химиком. Стало быть, на пузыре этом самом летел и небу несколько проломил, за это вот химиком и пойдет по этапу... Ну, да Бог милостив...

Бурные события на рубеже веков, угасающее самодержавие, злосчастная война с Японией, политическая лихорадка, террористы с одной стороны, виселицы с другой, и это в преддверии Большой войны, к которой лихорадочно готовится Европа, — все не располагало к последовательному движению страны из аграрной по преимуществу в индустриальную и плодотворной работе на благо науки, на благо развития производительных сил.

Да и собственные силы, приближаясь к семидесятилетию, были уже на исходе, жить так растратно, не давая себе послабления ни в чем, не смог бы и семижильный.

Чрезвычайно популярна ссылка на времена, дескать, время было такое-сякое, и мы были вынуждены и т. д., но великие люди, такие, как Менделеев, если *такие* еще есть, способны делать свою работу, несмотря ни на что, и даже управлять обстоятельствами.

В начале века Менделеев построил на подворье Главной палаты мер и весов башню для эксперимента, украшенную наверху часами, ее и сейчас видно с Московского проспекта. Там будет помещен маятник. А для маятника ему нужно золото, и только золото, поскольку оно имеет необходимую массу при минимальном объеме. И всего-то — три пуда.

Кабинет министра финансов В. Н. Коковцева

В креслах министр Коковцев и Менделеев.

КОКОВЦЕВ. ...Помилуй бог, Дмитрий Иванович, еле-еле развязались с войной, на дворе революция, неужели вы ничего этого не видите?

МЕНДЕЛЕЕВ. А сколько войн провела Россия?

КОКОВЦЕВ. Да кто же считал, Дмитрий Иванович!

МЕНДЕЛЕЕВ. Об этом и речь! Все эти войны, все эти революции откуда-то приходят, куда-то уходят. Глядишь, опять придут. Вы же, Владимир Николаевич, не только министр финансов, вы же разумный человек. Что-то должно быть в жизни прочное, незыблемое. Законы? Так законы пишутся чуть не каждый день. Только вот закон Архимеда, закон Ньютона, закон Паскаля как написаны, так никто их уже никогда не отменит... А вот мы с вами, Владимир Николаевич, повесим хороший маятник, да, из золота, и получим абсолютные величины напряжения тяжести, и никакие войны, никакие революции у нас этого приобретения не отнимут.

КОКОВЦЕВ. Сколько вам, Дмитрий Иванович... этого золота?

МЕНДЕЛЕЕВ. Да не мне, Владимир Николаевич, не мне, а вам, нам всем и потомкам нашим... и всего-то три пуда... Позвольте, я папиросочку себе сверну, — увидев, как «три пуда» оглушили министра, Дмитрий Иванович достал портсигар с табаком и стал как ни в чем не бывало сворачивать толстую «крученочку».

КОКОВЦЕВ. С вашими легкими, Дмитрий Иванович, вы еще и курите...

МЕНДЕЛЕЕВ. Так ведь не куришь — помрешь, и куришь — помрешь... Я пропитал ватку бактериями, вставил в мундштук и покурил... И представьте себе, все бактерии передохли...

КОКОВЦЕВ. Да где же, где я вам, Дмитрий Иванович, золота такую прорву...

МЕНДЕЛЕЕВ. А я знаю где, Владимир Николаевич, в казначействе...

КОКОВЦЕВ. А поменьше хотя бы?..

МЕНДЕЛЕЕВ. Грамм в грамм, Владимир Николаевич, считал и пересчитывал...

И представьте себе: страна разорена проигранной Русско-японской войной, страна в лихорадке революции, кругом «мятежи и казни», а Дмитрий Иванович Менделеев

получает свои три пуда золота, строит маятник и вносит в анналы физической науки «абсолютные величины напряжения тяжести».

Масштаб занятий Менделеева требовал его теснейшей связи с влиятельными государственными лицами. Многие годы сотрудничество с первым лицом в правительстве Александра Третьего был Сергей Юльевич Витте. Уже на посту министра финансов Витте не принимал практически ни одного сколько-нибудь важного решения, не получив письменного мнения Менделеева. Оба были приверженцы индустриальной модернизации России, тесно сотрудничали в осуществлении плана строительства Транссибирской магистрали и Северного морского пути, по множеству вопросов текущей промышленной и финансовой политики, по вопросам тарифов и т. д. Но все это для документального кино. В художественном же фильме, если и затрагивается вся эта проблематика, наполнявшая жизнь героев, все-таки на первый план, конечно, выходят человеческие отношения.

Менделееву и Витте, людям, мыслящим широко, государственно, не только сознающим необходимость развития науки и промышленности в России, но и умеющим на практике способствовать этому развитию, было легко найти взаимопонимание, легко сотрудничать.

В кабинете Менделеева портрета государя не было, а вот портрет Витте был.

Занимая высокие посты в правительстве Александра Третьего и Николая Второго, Витте мирился с нелегким нравом ученого, признавая его мировой масштаб, и поддерживал в научных инициативах и в развитии жизненно необходимой стране детища Менделеева Главной палаты мер и весов. Стыдил академию за то, что вместо Менделеева выбрали лицо, «не имевшее никакой серьезной длительной репутации в науке». На посту министра финансов Витте поддержал Менделеева и адмирала Макарова в их проекте освоения Северного морского пути. Построенный для этих целей ледокол «Ермак», как следует из воспоминаний Витте, по его инициативе находился в ведении Министерства финансов и даже в распоряжении самого министра.

Попытка пройти ледоколом от Петербурга до Сахалина не состоялась сначала из-за разногласий между Менделеевым и Макаровым, по-разному видевших маршрут, состав и задачи экспедиции, а тут подоспели и злосчастная война с Японией и революционные события.

В наступивших обстоятельствах Менделеев не считал для себя возможным остаться безучастным и был непримирим.

1905 год. 9 января. Квартира Менделеева в Палате мер и весов на Забалканском проспекте

Менделеев стоял у окна, подернутого по углам морозным узором.

За двойными рамами, как в немом кино, шла толпа празднично одетых рабочих. Шли с хоругвями и портретами царя, шли и пели.

Впереди вышагивал поп с крестом, было видно, что он тоже поет.

— Михайло! Едем!

Менделеев с наброшенным на шею кашне, застегивая на ходу широкий зимний сак и топоча непослушными калошами, стремительно спустился по лестнице и быстрым шагом вышел на улицу.

Там уже поджидал извозчик и непрременный Михайло, Михаил Петрович Тропников, служивший вестовым на «Памяти Азова» у Владимира Дмитриевича Менделеева, так в семье и прижившийся.

Михайло помог усесться Менделееву, вскочил рядом с кучером.

— Гони! — крикнул Менделеев.

У Троицкого моста стояла рота солдат с винтовками с прижатыми штыками.

— С кем воевать собрались?! — закричал Менделеев на остановившего его офицера.

— Я вас, Дмитрий Иванович, конечно, пропущу, только с Выборгской толпа идет... Вы уж поаккуратней...

— Гони! — Менделеев толкнул в спину извозчика.

Пролетка остановилась перед особняком Витте в начале Каменноостровского проспекта.

Слетевший с облучка Михайло помог Менделееву сойти на тротуар. Тот перевел дыхание. Гонка изрядно его протрясла. Возраст брал свое.

— Жди, — бросил то ли извозчику, то ли слуге Менделеев и медленно поднялся на крыльцо, прикрытое сверху балконом.

— Это невозможно, Дмитрий Иванович, положительно невозможно...

Витте в домашней куртке принимал Менделеева в своем кабинете.

— Только вы, вы, Серей Юльевич, можете это остановить... Звоните во дворец! Вас услышат. Вы глава правительства, слово председателя Кабинета министров... Никто не станет спрашивать, что они хотят. Ударят три раза в барабан, прикажут разойтись, а потом какое хотят оружие, то и употребят. Как это все могло пройти через руки министров и государя в наше время?! Печаль и омерзение.

— А почему, Дмитрий Иванович, не заведете телефон?

— Не выношу. Если б я завел себе телефон, у меня не было бы свободной минуты. Мне никто не нужен, а кому нужен я — милости просим... Сергей Юльевич, время теряем. Христом Богом молю — звоните же, звоните во дворец, в Царское, в Петергоф... Где он там?

— Дорогой, бесценный Дмитрий Иванович, он отставил меня от Министерства финансов, он отставил меня от реального влияния на внутреннюю и внешнюю политику. Вы знаете, я был категорически против этой злосчастной войны. Я был против того, чтобы отправлять нашу эскадру на Дальний Восток. Куда она идет? Что ее там ждет? Он даже согласился со мной. Но решение принимает по внушению последнего собеседника. Кляча понесла, а куда, сама не знает. Разве он меня услышит?..

— При чем здесь это?! На улице войска! Это надо остановить! Толпа не может мыслить... И армия — это механизм, это машина. Две безмозглые силы сойдутся на улице... Если студентов шашками и нагайками били, что же здесь будет?!

— Нетрудно представить, как будет понят мой телефонный разговор? Мне приходится взвешивать последствия каждого своего шага. Войска и полиция — это не моя компетенция... И вот так вдруг...

— Только голос разумного и ответственного человека может остановить... Мы потеряли столько времени!..

— Дмитрий Иванович, я понимаю вашу беспокойную душу, но поверьте мне, вы совершенно напрасно...

Витте не договорил. С улицы отчетливо донесся дружный ружейный залп. Зазвенели стекла.

Ни слова не говоря, Менделеев поднялся и направился прочь из кабинета. Витте подошел к нему.

— Дмитрий Иванович... — примирительно произнес Витте и протянул руку. Менделеев посмотрел в глаза Витте и убрал обе свои руки за спину.

Менделеев медленно поднимался по лестнице к себе в квартиру, остановился, решая, куда направиться: налево лаборатория, направо квартира.

Вошел в лабораторию, не раздеваясь, прошел в кабинет, снял со стены портрет Витте, бросил в корзину для мусора, снял шапку, секунду помедлил и пошел раздеваться.

В прихожую стремительно вошла Анна Ивановна.

— Господи, вы дома... Наконец-то... В городе убивают...

— Велите дать мне чаю, — спокойно сказал Менделеев.

— А как же обед?.. — напомнила Анна Ивановна. Менделеев не любил повторять распоряжения дважды. Выждав несколько секунд, Анна Ивановна поспешно сказала: — Сейчас... Я велю...

Менделеев неподвижно сидел в рабочем кабинете в лаборатории в глубоком кресле. По лицу текли слезы.

Вошла горничная, поставила чайный прибор. Зажгла настольную керосиновую лампу системы доктора Домберга, с большим картонным абажуром. Не поднимая глаз, удалилась.

Во всей квартире было электричество, кроме кабинета хозяина.

Может ли появиться Менделеев сегодня, так сказать, фигура такого масштаба?

Если отечество наше не коснеет в самодовольном невежестве, если в государственном строительстве не плетется зачарованным кроликом за иностранным змеем-искусителем, если сохраняет в себе чувство достоинства, независимости и сознания своей силы, так только благодаря тому, что еще способна «быстрых разумом Невтонов Российской земля рождать».

Может ли сегодня появиться личность, соразмерная Менделееву?

Трудно сказать.

А если бы такое случилось? Здесь уже больше ясности.

Вот была у нас в начале прошлого века фигура «такого масштаба» — Дмитрий Иванович Менделеев, и что? Кто его услышал? Кого он вдохновил, вразумил, заставил подумать? Имею в виду его общественную деятельность и мысли об обустройстве России...

А нынче? Вспомните, как с трибуны Госдумы гнали Андрея Сахарова, как лишили телевизионной трибуны Александра Солженицына... А где общественные чтения и слушания книги Жореса Алферова «Безмозглая власть»?

Все, что выше ординара, поднявшие знамя пошлости и поживы тут же отторгнут, а то и просто с кривой миной пройдут и сделают вид, что они выше полемики, как было, к примеру, с удивительно емким трудом Солженицына «Россия в обвале». Труд писателя и историка призывал, приглашал осмыслить не то, что было когда-то или когда-нибудь будет, а увидеть и понять, что с нами происходит, что у нас творится здесь и сейчас, в «лихие» 90-е, почему жизнь пошла вкривь и вкось...

Предпочитали молчать, не заметить, отмахнуться...

Даже на конференции, посвященной столетию со дня рождения писателя, где был с вниманием заслушан и удостоен обсуждения доклад на тему «Образ трамвая в творчестве Солженицына», о «России в обвале» почему-то никто говорить не захотел.

Я не сопоставляю имен, не выстраиваю ранжир, лишь говорю о современном состоянии общества.

Вот и явись «фигура такого масштаба», как Менделеев...

Ведь заключают!

Воробьи, когда их много, когда они вместе, когда всей силой воробьиного ума готовы постоять за свой интерес, кого угодно заключают.

Собственно, никаких противопоказаний к появлению «фигуры такого масштаба» нет, хотя и тезис, так сказать, гадательный, а вот то, что «такая фигура» сегодня едва ли будет востребована, увы, — реальность.

Речь идет в первую очередь о науке. Вот как положение российской академической науки при втором пришествии капитализма в Россию оценивает академик Алферов: «Теперь деньги есть, но их еще по-прежнему заметно меньше, чем в советские времена. Раза в три примерно. Но главная проблема другая. Это невостребованность наших научных результатов экономикой и обществом. Почему мы любим вспоминать советский период? Потому, что мы были нужны. А когда вы нужны, и деньги находятся, и лабораторию новую построят, и оборудование закупят».

Естественно, на память приходит разговор Ивана Карамазова с Великим инквизителем, вполне логично доказавшим, что Второе пришествие Спасителя совершенно несвоевременно и даже для церкви пагубно.

«Истинно образованный человек, — писал Менделеев, — найдет себе место только тогда, когда в нем будут нуждаться или правительство, или промышленность, или общество. А иначе он — лишний и про него писано „Горе от ума“».

По сути дела, то же самое, только другими словами говорил до него Гегель: «Мы должны проникнуться убеждением, что истинное по природе своей пробивает себе дорогу, когда пришло его время, и что оно появляется лишь тогда, когда это время пришло, а потому оно никогда не появляется слишком рано и не находит публики незрелой...»⁵

Так что дело не только в «фигуре», но и в степени развитости, зрелости общества, публики, как выразился Гегель, способной осознать свои потребности.

И все-таки, конечно, хотелось бы увидеть и услышать «фигуру такого масштаба», хотя бы потому, что предвидеть, предугадать ее влияние на современное общество практически невозможно, но если иметь в виду пример Менделеева, оно, конечно, должно быть дальноточильно и потому плодотворно.

В день похорон газета «Новое время», по моему убеждению, весьма точно назвала место Менделеева в отечественной истории: «Менделеев был человек не столько настоящей, сколько будущей России, предтеча его грядущей славы...»

Когда же оно состоится, это недостижимое будущее?

Наш современник, не терявший из виду Россию на протяжении всего XX века, Рей Брэдбери, человек мудрый, человек прозорливый, ответил, по моему разумению, точно: «Рано или поздно русские научатся любить себя и верить в себя, они овладеют будущим». Фантаст!

И напоследок еще раз вспомним, что самого известного и всемирно чтимого ученого, почетного члена множества зарубежных академий и самых престижных научных сообществ коллеги Дмитрия Ивановича не сочли возможным удостоить звания академика Российской академии наук.

Не сочли!

Вот и кинематограф, так уж случилось, тоже не может подарить вскормленной на мякине публике фильм об умном, дерзком, непредсказуемом, не измеримом мерками обыденности нашем великом соотечественнике.

⁵ Гегель. Феноменология духа. Т. 4. С. 39.